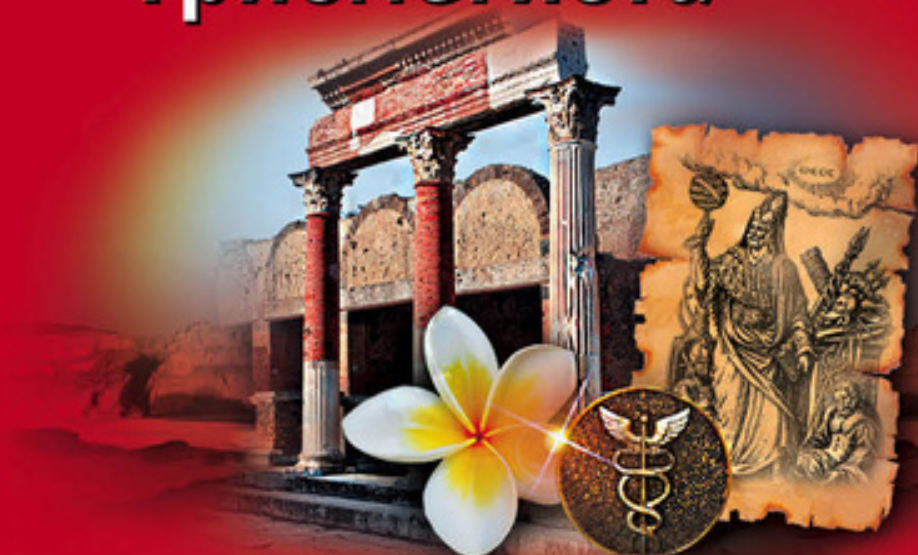

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Бесценный амулет,
найденный в руинах
разрушенного города
Помпеи, – ключ,
открывающий священные
врата древнего знания.
Когда источник сакрального
знания откроется, настанут
новые времена!
Времена мудрости и
справедливости!..

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Ключ Гермеса Трисмегиста

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Ключ Гермеса Трисмегиста

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Ключ Гермеса Трисмегиста / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

Ключ к тайне Изумрудной скрижали, установленной на могиле легендарного Гермеса Трисмегиста, покоился в руинах разрушенного города Помпеи. Но, видно, боги сжалились над человечеством, и амулет снова был найден... Из всего, что случилось с Верой за последние сутки, можно было сделать вывод, что она чем-то заинтересовала очень опасных людей. Все началось после того, как Вера получила в Помпеях старинный амулет со знаком Гермеса Трисмегиста, причем отдали его ей явно по ошибке. Перепутал ее тот черноволосый итальянец с кем-то. И вот теперь у нее начались неприятности, и явно – нешуточные...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Наталья Александрова

Ключ Гермеса Трисмегиста

© Александрова Н. Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Не отставайте, девочки, не отставайте! – Джульетта окинула наметанным глазом свое непослушное стадо и привычно добавила: – Мальчики тоже! Мы подходим к самому интересному пункту нашей экскурсии!

Джульетта была толстая жизнерадостная тетка, сильно загоревшая на безжалостном итальянском солнце, в широких клоунских штанах и необъятной кофте серо-буро-малинового цвета. Она работала гидом и с самого утра водила группу по развалинам Помпеи. По ходу дела, между бесчисленными руинами и мозаиками, она успела рассказать туристам всю свою жизнь – что родилась она в Ростове, что экзотическое имя ей дали родители, школьные учителя, тянувшиеся к мировой культуре, и что она с этим литературным именем маялась большую часть своей жизни, пока восемнадцать лет назад не переехала в Италию, где этим именем никого нельзя удивить.

– Не отставайте, не отставайте! – повторила Джульетта и подняла высоко над головой ярко-красный зонтик. – Самое интересное, девочки! – проговорила она таинственным тоном и указала тем же зонтиком на каменную мостовую.

– Ой! – испуганно вскрикнула скромная рыженькая Лиза и попятилась. – Это же... это...

– Да, это именно оно! – с несомненной гордостью проговорила Джульетта и отступила в сторону, чтобы все ее подопечные смогли разглядеть изображение на античном тротуаре.

Вне всяких сомнений, это было выложенное мозаикой мужское достоинство невероятных размеров.

Женщины громко заахали, однако окружили мозаику, не сводя с нее глаз.

– Вообще-то это просто дорожный указатель, – пояснила Джульетта. – Стрелка, которая показывает дорогу к лупанарию, проще говоря, к древнему борделю. Однако с этим «указателем» связана интересная легенда, – добавила она, понизив голос. – Говорят, что если женщина потопчется на нем, у нее непременно наладится личная жизнь... Я, правда, восемнадцать лет на нем топчусь, и никаких результатов! – добавила она с тяжелым вздохом.

Выдержав для приличия небольшую паузу, женщины бросились к неприличной мозаике, чтобы потоптаться на ней. Первой, растолкав остальных претенденток, пробилась к античному указателю скромная интеллигентная старушка Зинаида Васильевна.

– А вы что же – не интересуетесь? – раздался за спиной у Веры вкрадчивый голос.

Снова Арсений!

Он возник рядом с ней, ухватил за локоть своей потной рукой и задышал в ухо.

Господи, ну как же он ей надоел! Бесконечно приставал с разговорами, но мало того – при всяком удобном и неудобном случае норовил взять под локоток и вообще досаждал всеми возможными способами. На пляже устраивался на соседнем лежаке, таскался за ней в море, а там брызгался и под водой хватал за ноги, как пятиклассник в пионерском лагере. За завтраком он непременно выбирал ее столик, и у Веры мгновенно пропадал аппетит, когда он жадно ел, чавкая и роняя крошки на стол.

Вечерами было еще хуже, он ставил свой стул слишком близко к ее стулу, клал свои потные руки ей на плечо или даже на коленку, но после того, как Вера чувствительно уколола его

вилкой и вылила на брюки томатный соус, несколько поумерил свой пыл. Вера приободрилась и надеялась, что сегодня на экскурсии в Помпеи он оставит ее в покое.

Как-никак, последний день путевки, завтра они улетают. Но этот козел не мог смириться с неизбежным и снова взялся за свое. Вера его уже видеть не может!

– Мне кажется, тебе тоже нужно всерьез подумать о личной жизни! – проговорил Арсений наставительно и еще крепче вцепился в ее локоть.

Веру передернуло – эти его потные руки... брр! То есть понятно, что среди прокаленных солнцем древних руин жарко, но не до такой же степени...

– Отпустите мою руку! – взмолилась она, упорно называя его на «вы», в тщетной попытке объяснить, что они друг другу никто, и так будет до конца этого, с позволения сказать, отдыха.

Напрасно, до этого типа ничего не доходило.

– Да что ты такая недотрога? – искренне изумился Арсений. – Ты взрослая женщина, не нужно так шарахаться от мужчин...

«Я не от всех шарахаюсь, а только от вас!» – хотела она сказать, но природный такт помешал, и Вера ответила иначе:

– Я не шарахаюсь, мне просто жарко!

Вере хотелось заорать и послать его подальше, но вокруг были люди, и ей, как всегда, было неудобно.

– И правда жарко, – на этот раз Арсений вынужден был согласиться и с явной неохотой отпустил локоть, но тут же зашел с другой стороны, – а тыними кофточку...

«Размечтался!» – подумала Вера, но вслух ничего не сказала, только отступила в сторону.

Арсений двинулся было за ней, но споткнулся на неровной древней мостовой и остановился, чтобы поправить ремешок сандалии.

Вот, кстати, эти сандалии... в лучших традициях, он носил их с носками! И эта фиолетовая трикотажная рубашка на пуговках! В общем, Веру раздражало в нем все!

Воспользовавшись его заминкой, она скользнула в узкий проулок между двумя полуразрушенными зданиями. Арсений, прыгая на одной ноге, замахал руками и заверещал:

– Верунчик, куда же ты! Ты там заблудишься!

Но она только прибавила ходу.

Лучше заблудиться среди помпейских развалин, чем снова почувствовать на своей коже прикосновение его потных рук! Да за какие грехи ей такое наказание!

Она быстро шла между каменными стенами, излучающими удушливый жар. Свернула влево, чтобы сделать круг и выйти навстречу группе, но почти сразу оказалась в тупике.

Вернулась к последнему повороту, на мгновение задумалась, куда идти – прямо или направо.

Пошла направо и скоро увидела впереди высокую каменную арку, за которой виднелся зеленый луг, тут и там усеянный крупными каменными обломками.

Вера прибавила шагу – каменные стены давили на нее, ей хотелось вырваться на простор, на воздух.

Едва она вошла под арку, сбоку неожиданно появился, словно вынырнув из-под земли, худощавый молодой итальянец в драных джинсах и черной футболке. На черных курчавых волосах была красная бандана, придававшая ему пиратский вид. Казалось, он только что перебрался на борт взятого на абордаж корабля и теперь собирается собственными руками перебить его экипаж.

Впрочем, наверное, дело было не только в бандане, но еще в выражении лица – каком-то жестком, решительном и настороженном.

– Уже половина четвертого, – проговорил он по-английски и как-то странно посмотрел на Веру.

То ли от жары, то ли от пристального взгляда его бархатных черных глаз у Веры внезапно закружилась голова. Она растерянно попятилась, взглянула на часы и смущенно проговорила:

– Нет, только половина третьего...

Лицо пирата смягчилось, как будто Вера чрезвычайно обрадовала его своим ответом, он шагнул к ней и вложил в руку какой-то небольшой предмет.

Вера попыталась протестовать, попыталась отдать ему этот предмет – ее не раз предупреждали, что предприимчивые аборигены на каждом шагу пытаются всучить легкомысленным туристам никчемные поделки за баснословные деньги, но итальянец уже развернулся и исчез так же внезапно, как появился.

Вера привычно подумала, что снова подтвердила свою непригодность к жизни, снова попала на удочку уличных торговцев, но тут же осознала, что таинственный пират не взял с нее никаких денег, значит, трудно считать его заурядным мошенником.

Кроме того, она осознала, что от неожиданности и растерянности обманула странного итальянца: сказала ему, что сейчас половина третьего, забыв, что, прилетев в Италию, не перевела свои часы, и они по-прежнему показывают московское время. Значит, на самом деле по местному времени сейчас половина второго, но никак не половина четвертого, как сказал этот итальянский красавчик...

Станный какой-то!

Вера взглянула на предмет, который странный итальянец вложил в ее руку. Это была монета или что-то вроде монеты: плоский кругляшок из тяжелого серебристого металла, выщербленного безжалостным временем. В центре этого кругляшка было пробито круглое отверстие. Вере неожиданно пришло в голову, что в это отверстие можно пропустить шнурок или цепочку, чтобы повесить амулет на шею.

Вот оно, поняла Вера, вот подходящее название для этого предмета – амулет. На одной стороне амулета был выбит необычный рисунок – три босые ноги, бегущие по кругу, словно три луча странной звезды. На другой стороне Вера разглядела какие-то полустертые, трудно-различимые буквы и значки.

Определенно, подумала она, этот амулет очень старый. И стоит немалых денег.

Вера машинально сунула амулет в карман. Внезапно ее охватило странное, непонятное, необъяснимое волнение. И еще она почувствовала страх.

Удивительное дело: когда Вера со своей группой шла по улочкам древнего города, ей казалось, что Помпеи буквально переполнены туристами, на жарких улицах было яблоку негде упасть, звучали десятки языков, а теперь вокруг не было ни души, и царила гулкая насто-роженная тишина.

Вере стало неуютно. Пожалуй, сейчас она обрадовалась бы даже Арсению с его потными руками и сальным взглядом.

Вера посмотрела в ту сторону, куда, как ей показалось, скрылся итальянец, но ничего и никого не увидела.

Луг, на который она вышла, окружали руины, полуразрушенные стены древних домов. Между этими развалинами виднелись узкие проходы, должно быть, в одном из них и скрылся тот брютет.

Тут боковым зрением она заметила какое-то движение. Она повернула голову в ту сторону, и ей показалось, что в одном из темных проходов между руинами мелькнула тень.

Но если минутой раньше она была бы рада любому человеку – теперь эта тень испугала ее. Ей показалось, что из темноты на нее кто-то смотрит – мрачно, угрожающе.

«Да что со мной происходит? – подумала Вера удивленно. – Что за странный приступ тревоги? Наверно, так действует на меня жара. Все хорошо, никакой опасности нет, сейчас я сориентируюсь по плану и найду свою группу».

И не успела она подумать о своей группе, как из бокового прохода на лужайку выкатилась Джульетта в своих клоунских штанах, с красным зонтиком в руке.

Молодой итальянец в драных джинсах и черной футболке, с красной банданой на голове, чем-то похожий на начинающего пирата, мягкой пружинистой походкой шел по узкому проулку между каменными стенами древнего города.

Вдруг навстречу ему из полукруглой арки вынырнула высокая брюнетка в кожаной куртке с заклепками. Черные волосы были коротко подстрижены, красивое лицо немного портил шрам в виде звезды с тремя лучами. Оглядевшись по сторонам, брюнетка вполголоса проговорила по-английски:

– Который час?

Итальянец недоуменно взглянул на нее, поднял руку с часами и процедил:

– Сорок минут второго.

Брюнетка, однако, не удовлетворилась этим ответом. Она встала на пути «пирата» и повторила:

– Который час?

Молодой итальянец взглянул на нее с удивлением, попытался обойти, но брюнетка не пропустила его, лицо ее отвердело, и она снова отчетливо повторила:

– Который час?

Тут в глазах итальянца вспыхнул огонек подозрения, и он неуверенно проговорил:

– Уже половина четвертого...

Брюнетка явно обрадовалась, лицо ее смягчилось, и она ответила:

– Нет, только половина третьего!

После этого она приблизилась к итальянцу и выжидательно посмотрела на него.

«Пират» выглядел удивленным. Он растерянно pokrutil головой и протянул:

– Но я... но я уже...

– Что значит – уже?

– Я уже передал... ко мне подошла женщина, она назвала верный пароль, и я передал ей...

– Черт, что ты несешь? – Лицо брюнетки перекошилось, она завертела головой, словно кого-то искала. Тут же из темного проема в каменной стене выскользнул мужчина лет сорока в летнем бежевом костюме, с широким смуглым лицом, изрытом оспинами. Подойдя вплотную к «пирату», он прошипел по-английски с каким-то странным акцентом:

– Кому ты это отдал?

Молодой итальянец попятился, но спина тут же наткнулась на прогретую солнцем каменную стену.

– Кто вы? Что вам от меня нужно? Я ничего не знаю...

– Все ты знаешь! – прошипел незнакомец. – И отлично знаешь, кто мы такие... ты должен был передать нам кое-что... отдай нам это – и мы разойдемся!

– Но я это уже отдал... она назвала пароль, и я передал ей...

– Ты это уже говорил! Но я повторяю вопрос – кому ты это отдал?

– Мы не должны вступать в непосредственный контакт...

– Не должны были, – подтвердил незнакомец, – но ты отдал нашу посылку не тому человеку. Так что теперь нам нужно как-то исправлять положение.

– Я... я тут ни при чем. Я должен был только передать ту вещь – и я ее передал! Больше я ничего не знаю! Отпустите меня! Вы нарушаете все правила!

– Ты мне надоел! – Смуглое лицо мужчины перекошилось, сделавшись похожим на античную трагическую маску, он выдернул из кармана складной нож, щелчком выбросил лезвие. – О каких правилах ты говоришь? Ты сам их нарушил, отдав посылку не тому человеку! Кому ты ее отдал? Говори, или я с тобой разберусь!

– Женщина... – неохотно проговорил парень, – кажется, русская... кажется, она пошла к дому Веттиев...

– Ты покажешь мне ее! – потребовал незнакомец. – Покажешь – и тогда я тебя отпущу!

– Но нас... нас не должны видеть вместе!

– Все уже и так пошло наперекосяк!

Он подтолкнул «пирата» в спину, и тот послушно зашагал к главной улице древнего города. Мужчина в бежевом костюме пошел рядом с ним, небрежно положив руку на плечо спутника, как будто дружески обнимая его.

Высокая брюнетка в кожаной куртке шла за ними, настороженно оглядываясь по сторонам.

Когда они подошли к улице, по которой одна за другой двигались шумные группы туристов, мужчина в бежевом костюме втолкнул своего спутника в дверной проем полуразрушенного дома и вполголоса проговорил:

– Отсюда ты ее увидишь!

– Но здесь так много туристов... – пробормотал «пират», – найти среди них ту женщину – все равно что найти иголку в стоге сена...

– А ты постарайся!

И тут молодой итальянец оживился:

– Да вот, вот же она! Светлые волосы, желтая кофта, бежевые короткие брюки! Она идет за толстой теткой с красным зонтом!

– Ты уверен? – переспросил мужчина с изрытым оспинами лицом. – Ты не ошибаешься?

– Уверен, уверен!

– Это хорошо, потому что другого случая у тебя не будет! – И он вонзил нож в шею «пирата».

– Девочки, девочки, не отставайте! – крикнула Джульетта, вертя головой. – Мальчики тоже! Сейчас мы увидим одну из самых знаменитых статуй в Помпеях, статую бога торговли Гермеса...

Вера обрадовалась Джульетте, как родной.

Она догнала группу, смешалась с толпой соотечественников, с удивлением думая о пережитом страхе и не понимая его причины.

Весь только что миновавший эпизод казался ей теперь ничего не значащим, ничтожным, пустяковым – ну, подумаешь, на несколько минут потеряла свою группу, столкнулась с каким-то молодым итальянцем, который всучил ей амулет... правда, он почему-то не взял за него денег, но может, ему что-то помешало... а может, вся эта сцена ей вообще померещилась от тяжелой помпейской жары?

Вера на всякий случай сунула руку в карман.

Амулет был там, куда она его положила, Вера почувствовала его шершавую поверхность, и ее охватило странное волнение.

Значит, эта сцена ей не померещилась. Значит, все это произошло на самом деле.

Впрочем, ничего особенного и не произошло...

Вера постаралась забыть об этом случае и сосредоточиться на том, что говорила Джульетта.

– Сейчас мы с вами немножко пройдемся и увидим знаменитый дом Веттиев, – вещала она своим громким и хриплым голосом, – хозяевами дома были два брата, в молодости они являлись рабами, но потом выкупили свою свободу и разбогатели.

Их дом был одним из самых богатых домов в Помпеях...

Внезапно Вера ощутила то странное и неприятное чувство, какое бывает, когда кто-то смотрит тебе в спину. Она невольно вздрогнула, словно на помпейской жаре ее прохватил ледяной сквозняк.

Резко обернувшись, Вера оглядела улицу за своей спиной.

Там никого не было, во всяком случае, никто на нее не смотрел.

Разве что...

На стене одного из полуразрушенных домов Вера увидела каменную маску. Театральную трагическую маску – широкое лицо с полуоткрытым ртом, перекошенным ужасом или страданием, пустые темные глазницы, щеки, выщербленные временем, словно изрытые оспинами. На какой-то миг Вере показалось, что эта маска смотрит на нее провалами глазниц.

Она отбросила это неприятное ощущение и прибавила шагу, смешавшись с толпой своих спутников.

И снова почувствовала спиной чей-то пристальный, назойливый взгляд.

Вера обернулась.

На этот раз не было никакой мистики. За ней тащился Арсений и сверлил ее взглядом. На его рубашке проступили темные пятна пота, нос покраснел от солнца.

– Верунчик! – оживился он, перехватив ее взгляд. – Я так волновался, так волновался!

– Что это вы волновались? – огрызнулась Вера.

Это было ее ошибкой. Не стоило вступать с ним в разговор. Арсений тут же нагнал ее и попытался неловко обхватить за талию. Вера сбросила его потную руку, шарахнулась в сторону, но он как будто не заметил ее реакцию.

– Я тебя потерял! Ты куда-то исчезла, а здесь небезопасно...

– Вполне безопасно, – проворчала Вера раздраженно, – Италия – цивилизованная страна, случаи людоедства тут не отмечены.

– Людоедства? – удивленно переспросил Арсений и захлопал своими белесыми ресницами. – Причем здесь людоедство? Даже в цивилизованных странах попадают всякие ненормальные! Я не боялся, что тебя съедят, я боялся...

Он замялся, и Вера ехидно продолжила:

– Вы боялись за мою девичью честь? За нее я как-нибудь сама могу постоять! А насчет ненормальных...

Она хотела добавить, что сам-то он не больно нормальный, но передумала. Ладно, не стоит обострять отношения без крайней необходимости. И вообще сегодня последний день поездки. Еще пережить только завтрашнее утро и полет, а там... Она больше никогда не увидит этого потного вонючего козла. Больше никогда! Много ли человеку нужно для счастья!

И Вера взглянула на своего спутника почти ласково.

Арсений тем не менее окончательно растерялся, чем Вера и воспользовалась – оторвавшись от него, пробилась в первые ряды группы и снова услышала хриплый голос Джульетты:

– Вот мы и подошли к дому Веттиев. Здесь сохранилось множество фресок и скульптур, изображающих античных богов и богинь, а также различных мифологических персонажей, в частности амуров. Также хорошо сохранились фрески с изображением бытовых сцен – сбор винограда, гонки на колесницах, сельские праздники и многое другое...

Вера оглянулась, увидела, что Арсений отстал, и юркнула в полукруглую арку.

Она оказалась в большой комнате с высоким потолком. После царящей на улице жары и ослепительного солнечного света здесь было прохладно и полутемно. Когда глаза Веры привыкли к освещению, она разглядела на розовато-охристой стене четкий темно-красный рисунок – две колесницы мчались по вытянутому полю стадиона. На трибунах виднелись условно изображенные ряды зрителей.

Вера залюбовалась выразительным изяществом фрески, живым изображением возникших и коней и вдруг услышала сзади приближающиеся шаги, а затем почувствовала на шее чью-то руку.

Она не сомневалась, что это Арсений, что он подкараулил ее одну и решил перейти к решительным действиям. Господи, с каким удовольствием она опустила бы ему на голову обломок мраморной колонны!

– Отстань, козел! – прошипела она, не оборачиваясь, но рука на ее шее сжалась сильнее, так что ей стало трудно дышать.

Все так же не оборачиваясь, Вера ударила назад локтем, вложив в этот удар всю свою силу, помноженную на ненависть к Арсению, накопившуюся за время поездки.

Видимо, удар получился удачный, потому что рука на шее разжалась, и за спиной послышался мучительный хриплый кашель.

Вера резко развернулась и для верности пнула Арсения ногой...

И только тут увидела, что это был вовсе не Арсений.

У нее за спиной стоял, согнувшись, совершенно незнакомый мужчина лет сорока, в летнем светло-бежевом костюме. Лицо его было перекошено от боли и ненависти и чем-то удивительно напоминало античную театральную маску, трагическую маску с мучительно перекошенным ртом. Сходство усиливалось тем, что широкое смуглое лицо незнакомца было густо изрыто оспинами.

Незнакомец прижимал руки к солнечному сплетению и тяжело, хрипло дышал, рот мучительно искривился, глаза его потемнели от боли, напоминая темные глазницы античной театральной маски.

– Нечего было приставать! – выкрикнула Вера и метнулась в соседнюю комнату.

Там толпилась вся ее группа, окружив Джульетту, которая вещала своим прокуренным голосом о сельскохозяйственных праздниках Древнего Рима.

После всплеска адреналина Вера тяжело дышала, сердце колотилось где-то в горле, перед глазами плавали цветные пятна. Вера перехватила взгляд Арсения и сделала зверскую физиономию, чтобы отпугнуть его. Надо же, накаркал, мерзавец! Сказал про всяких ненормальных – и вот, на нее набросился какой-то маньяк!

Наконец она отдышалась и решила, что приключений на сегодня хватит, так что лучше не отделяться от группы. Лучше уж потерпеть приставания Арсения.

Впрочем, экскурсия как раз подошла к концу, и они потянулись к выходу из древнего города.

Путь их пролегал мимо античного лупанария.

Вера прибавила шагу, но тут в правую босоножку попал камешек. Она остановилась, чтобы вытряхнуть его, и вдруг с удивлением заметила, что стоит прямо на том «указателе», про который час назад рассказывала Джульетта, на том рисунке, на котором дружно топтались женщины из их группы.

Прыгая на одной ноге, она перехватила насмешливый взгляд Джульетты: мол, и ты, скромница, решила воспользоваться случаем и исправить свою личную жизнь...

Вера ответила Джульетте прямым и откровенным взглядом, которым она постаралась передать все, что думает об античных суевериях и о стареющих экскурсоводах, которые впаривают эти суеверия одиноким туристкам.

В автобусе Вера постаралась сесть как можно дальше от Арсения. Соседкой ее оказалась Зинаида Васильевна. Никто не хотел с ней сидеть, потому что старушка была очень болтлива. В этот раз, однако, она утомилась, бродя по развалинам на жаре, и задремала, так что Вера получила час относительного покоя.

Когда они приехали в гостиницу, все дружно отправились ужинать, громко обсуждая сегодняшние впечатления.

Вера, как ни странно, совсем не хотела есть. Она перехватила бутерброд с чаем и направилась к своему номеру, и тут перед ней снова появился Арсений.

Он поплелся рядом с ней, заглядывая в глаза, и затянул своим унылым голосом:

– Какая чудесная ночь! Как ярко светят звезды! Ты осознаешь, Верочка, что это наша последняя ночь в Италии? Неужели тебе не хочется сделать эту ночь незабываемой? Неужели не хочется воспользоваться такой чудесной возможностью?

– Хочется, – отчеканила Вера, остановившись перед своим номером и доставая ключи, – мне хочется воспользоваться этой возможностью и как следует выспаться!

Она вошла в свой номер и захлопнула дверь перед унылым носом Арсения. Ладно, завтра все кончится. Она собрала кое-какие вещи, чтобы не возиться утром, выставила у двери пакет с мусором и решила пораньше лечь.

Вера легла, но долго не могла заснуть, потому что вспоминала события, приведшие к сегодняшнему дню.

Ларка позвонила три недели назад и сказала чужим несчастным голосом, что жизнь ее кончена, что они расстались с Генкой, потому что он окончательно ее бросил. То есть наговорил такого, что ей ничего не оставалось, как выгнать его вон.

Вера тогда едва подавила смешок – у Генки была хоть плохонькая, но своя собственная квартирка, в то время как Лариска проживала с матерью, собственно, главное Генкино достоинство и заключалось в наличии жилплощади.

Точнее, только это достоинство и могла заметить Вера, Лариска-то по первости здорово в него влюбилась. Она жила то у Генки, причем могла выдержать без перерыва недели три, то возвращалась к матери, чему та не особенно радовалась.

В последнее время все вроде бы устаканилось, на Веру тут навалились ее собственные мелкие неприятности, они с Ларкой не виделись месяца два. И вот, пожалуйста, – снова-здорово!

– Ты не переживай так, – привычно утешая подругу, сказала Вера, – еще помиритесь. Остынете оба, поймете, что жить друг без друга не можете...

– Ты не понимаешь! – закричала Ларка, так что Вере пришлось отодвинуть трубку от уха. – Теперь все совершенно по-другому! Между нами все, все кончено, не осталось никаких чувств, я словно выжженная пустыня! Внутри один пепел!

– Ну-ну, – забормотала Вера, – что еще за мексиканский сериал...

– Верка, я не могу, просто не могу жить! – закричала Лариса. – У меня внутри будто все чернилами облито! И эта чернота все поднимается, поднимается, и вот я точно знаю, как только перехлестнет через край – я умру! Вчера ночью проснулась – думала, сердце разорвется! Не могу больше, не могу!

Вера тогда не на шутку забеспокоилась, велела Ларке брать такси и немедленно приезжать к ней.

Выглядела подруга и правда не блестяще – волосы висят безжизненными прядями, глаза красные, как у кролика, макияжа вовсе нет. И тоска в глазах непритворная.

Выяснилось, что Ларка пьет какое-то лекарство, найденное у матери, от него лучше не стало, а как-то все перед глазами плывет, и ночью не то спишь, не то гредишь.

Вера пришла в ужас – так вообще свихнуться недолго.

Два выходных дня Лариска валялась на Верином диване, бессмысленно глядя в стену. Вера отменила всех приходящих учеников, и сама побоялась надолго уходить из дома. Потратила она эти дни на то, чтобы отыскать приличного врача по нервным болезням – очень ей не нравилось Ларискино состояние. Уж сколько лет они дружат, со второго класса школы, а никогда она свою подругу такой не видела.

К врачу она потащила Ларку буквально силой. Там долго мурыжили их в кабинете, после чего врач дал довольно обтекаемый ответ, что стресс – это очень серьезно, что ни в коем случае нельзя пускать дело на самотек и загонять эмоции внутрь, что не нужно сопротивляться боли и выговорить ее всю, а после этого обязательно надо сменить обстановку, уехать куда-нибудь хоть на время, и тогда новые впечатления помогут преодолеть последствия стресса.

В общем, ничего нового врач Вере не сообщил, открыл, что называется, Америку из форточки, во всяком случае, его предписания вовсе не стоили тех денег, что запросил он за прием.

Деньги, кстати, пришлось заплатить Вере. Правда, врач выписал еще какие-то таблетки, тоже очень дорогие.

Последующие несколько вечеров они с Ларкой провели, бесконечно переговаривая эту историю по телефону. Вера все же сумела вытолкать подружку из дома, поскольку ей нужно было работать.

Терапия особенно не помогала, а от таблеток началось у Лариски расстройство желудка, так что пришлось прием их прекратить. В конце концов, Вера решила, что и правда надо съездить куда-нибудь к морю, авось поможет. Но Турцию и Черногорию Лариска отменяла сразу, равно как и Крым – они-де с подлецом Генкой были там не раз, все будет напоминать о нем, тогда Вера решила, что они поедут на юг Италии.

В турагентстве предложили неделю в отеле неподалеку от Неаполя. Дороговато нынче, конечно, но зато можно поехать по окрестностям, посмотреть на красоты, а не только на пляже неделю валяться. Вера все организовала, заставила Ларку пробежаться по магазинам и купить новый купальник и еще разные мелочи.

И вот, когда она собралась уже укладывать вещи, позвонила Лариска и...

Как только Вера услышала ее голос, так сразу поняла, что ничего хорошего из разговора не получится.

Лариска радостно прощбетала, что очень, очень извиняется, но поехать с Верой она никак, ну просто никак не может, потому что...

– С Генкой помирились? – вздохнула Вера, услышав Ларискин голос, она так примерно и полагала.

– Ты не представляешь! – захлебывалась Лариска. – Он позвонил, я три раза сбрасывала его номер, потом послала ему сообщение, чтобы он оставил меня в покое, ушел из моей жизни, наконец, что я уезжаю, чтобы забыть его навсегда!

«Дура, говорила же я ей, чтобы не вступала с ним ни в какие контакты!»

– Он приехал и ломился в дверь, так что соседка... ну ты знаешь, такая, волосы у нее всегда мелким бесом завиты... так вот, она выскочила и орала, что вызовет полицию... в общем, пришлось открыть. Верка, он полз на коленях за мной от самой двери! Он сказал, что не уйдет, пока я его не прощу! Он плакал и говорил, что его жизнь без меня напоминает море, полное медуз и каракатиц! Он обещал, что выбросится из окна – прыгнет прямо сейчас!

«Господи, взрослая же баба... – в тоске думала Вера, отставив трубку от уха, – двадцать девять лет скоро, ну неужели она совсем не соображает, что несет...»

И только было она хотела прервать Ларискин восторженный лепет и спросить прямо, что ей-то теперь делать, как на том конце слышались возня и голос Ларискиной матери:

– Дай мне, сейчас я ей все скажу! Ты слушаешь меня, Вера?

– Да-а, здравствуйте, Эльвира Петровна! – пробормотала Вера, ей совершенно не хотелось вступать в беседу с Ларкиной мамашей – она многословна, может заболтать насмерть, а сейчас у Веры совсем не то настроение.

– Вот слушай, слушай! – заговорила Эльвира. – Очень давно хотела тебя спросить – что ты все вертишься вокруг Ларисы, что ты не даешь ей жить?

– Я? – оторопела от неожиданности Вера. – Эльвира Петровна, что вы такое говорите?

– Я знаю, что говорю! – перебила ее Ларкина мамаша. – Я давно за тобой наблюдаю и теперь скажу прямо: оставь Ларису в покое! Если у тебя не задалась личная жизнь, это не значит, что она должна тратить свое время на то, чтобы тебя отвлечь от неприятностей! У нее-то есть шанс устроить свою судьбу, а ты ей мешаешь!

– Я мешаю? – Вера слегка очухалась и заговорила, запинаясь, потому что слова с трудом выскакивали из гортани: – Позвольте, Ларка сама мне позвонила, она была в ужасном состоянии!

– Не преувеличивай, – сухо сказала Эльвира Петровна, – мало ли, любящие люди поссорились, все в жизни бывает. И если бы ты не раздувала каждый раз из мухи слона и не отговаривала Ларочку от встреч с Геночкой, ничего бы не было.

– Да я вовсе не...

– Вот что, Вера, – в голосе Эльвиры послышалась не свойственная ей раньше твердость, – если ты сама не понимаешь, мой долг, как Ларисиной матери, объяснить тебе положение вещей. Ты очень плохо влияешь на Ларису, твоя органическая неспособность привлекать мужчин понижает ее самооценку. Ей совершенно ни к чему стоять на твоих позициях максимализма!

– Каких позициях? – поразила Вера.

– Максимализма! Твоя беда в том, что ты ждешь от мужчины слишком многого, в двадцать девять лет ты ждешь принца на белом коне! А такого не бывает, то есть принцы, возможно, и бывают, но они не обращают внимания на некрасивых старых дев тридцати лет!

Ого, вот сейчас в голосе Эльвиры слышится не свойственный ей ранее сарказм! И врет ведь нарочно, ей прекрасно известно, что Вере нет еще тридцати, ей всего два месяца назад исполнилось двадцать девять лет! С Лариской и Генкой в кафе ходили, те тогда еще не поругались.

– Вот что я скажу тебе, Вера, – продолжала Эльвира, – уж извини за прямоту, но оставь Ларису в покое! Исчезни из ее жизни! Иначе она никогда замуж не выйдет! Никогда не устроит свою судьбу! Тебе-то, может, такая жизнь нравится, а ей нет. А если тебя одиночество уж очень тяготит, то заведи собачку. Или кошку.

– Спасибо, Эльвира Петровна, за добрый совет! – Вера наконец опомнилась и взяла себя в руки. – Я непременно его учту! А скажите честно, это Лариса вас попросила мне все это сказать или вы по собственному почину...

Ответом ей были короткие гудки.

– Черт! – крикнула Вера и бросила трубку на пол. – Нет, ну какое свинство!

Она походила по комнате, обхватив себя руками, и через некоторое время смогла немного успокоиться.

Нет, ну как вам это нравится? Она, видите ли, мешает Лариске устроить личную жизнь!

Говоря проще, по словам этой заразы Эльвиры, Вера сбивает Лариску с толку – та видит, что Вера живет одна, и считает, что так правильно. Да нет же, Эльвира небось думает, что Вера настраивает Ларку против этого мерзавца Генки, потому что самой завидно – у подружки, мол, кто-то есть, а у нее никого нету, так вот надо так сделать, чтобы у Ларки тоже никого не было.

Но это же вопиющая ложь! Ларка сама позвонила, когда была в невменяемом состоянии. Когда они с Генкой не в ссоре, Вера с ними и не видится совсем, потому что ей Генка не нравится. Противный он, глаза наглые, и все посмеивается, а еще норовит то ущипнуть, то шлепнуть. Причем исключительно из вредности, потому что как-то, в подпитии, высказал Вере, что такие, как она, его совершенно не интересуют. Гонору много, а толку мало. Сама, мол, чувырла, отворотясь не наглядеться, а сама из себя недотрогу строит.

Хотела Вера тогда ему по морде двинуть, да постеснялась скандал в публичном месте устраивать. А потом сделала вид, что забыла про это, Генка-то и, правда, наверняка забыл, потому что здорово пьяный был тогда. А Вера старалась с Лариской без него общаться. И тогда,

на день рождения, позвала ее одну. Думала, посидят в кафе, поболтают. Большую компанию звать не собиралась, да, откровенно говоря, и нет у нее столько друзей. Из подруг осталась одна Лариска, со второго класса дружили. Да, теперь, похоже, дружба врозь...

Нет, ну наглость какая со стороны этой Эльвиры Петровны! Ведь в этот раз Лариска сама навязалась Вере со своими проблемами! Два дня у нее провалялась, Вере пришлось всех учеников отменить! А денежки, между прочим, ей не лишние. Тем более что за врача и лекарства нехилую сумму тоже Вера отдала. За то и получила по полной программе. И надо же, вроде бы мамаша у Ларки: женщина весьма недалекая, заполошная и болтливая, а тут – нате вам, все изложила как по писаному! Откуда только что взялось!

Но вот еще вопрос – что теперь делать с путевкой?

Небось если вернуть, то не примут, а если примут, то денег и половину назад не получишь. Всего-то два дня осталось до вылета... Ох, ну до чего же все они Вере надоели!

Вера проворочалась полночи без сна, прикидывая так и этак. И все получалось плохо. Бросить все, как есть, и забыть эту историю? Жалко денег на путевку. Забрать у Ларки эту чертову путевку и позвать кого-нибудь с собой? В фирме, конечно, все устроят с минимальными потерями, им тоже выгодно, чтобы место не пустовало. Но беда в том, что Вере совершенно не к кому обратиться. И выходит, что мерзкая Ларкина мамаша права, Вера одинока, нет у нее не только близкого мужчины, но и просто друзей-приятелей.

Стоп! Вера вскочила с кровати и высунулась в открытое окно, прикрывшись занавеской. Холодный осенний воздух помог, отрезвил ее, она успокоилась, и мысли, которые она гнала от себя, ушли. Не совсем ушли, просто уплыли в глубину, как рыбы. Вера вернулась в постель и заснула.

А утром, которое, как известно, мудренее вечера, она решила лететь в Неаполь. Что, в самом деле, из-за Лариски и путевка пропадет. А за нее, между прочим, деньги заплачены. Может, кому-то все равно, а Вера не больно много зарабатывает, для нее эта сумма существенная. К тому же она уже договорилась с учениками, освободила себе неделю, теперь все менять, что ли? И всем объяснять, что она не поехала в отпуск, и все будут спрашивать, почему.

Можно, конечно, затаиться и делать вид, что улетела, а телефон отключить. Но потом, когда и правда понадобится в отпуск, уже не отпросишься. Опять же деньги, сколько она потеряет за эту неделю? Нет, надо лететь сейчас. Хорошо, что путевка у Лариски, и платила она за нее сама, вот пускай что хочет с ней и делает, а Вера ничего не знает. Если спросят в турфирме про Лариску, она только плечами пожмет – какие к ней лично претензии?

Следующие два дня прошли в хлопотах, Вера распрощалась с последними учениками, собрала вещи и рано утром отбыла в аэропорт, оставив ключи соседке Зое Михайловне, которая дружила еще с бабушкой и поэтому взялась Веру опекать. Старушка она была непротивная, но все же Веру эта опека несколько тяготила. Но иногда, вот как в данном случае, полезно было иметь верного человека.

Вера отнесла еще соседке два цветка, оставшиеся от бабушки, – столетник и толстянку.

Квартира ее была на первом этаже, летом свет загораживали кусты и деревья, так что выживали только неприхотливые суккуленты. Вера хранила цветы в память о бабушке, та же Зоя Михайловна передала ей эту просьбу. А потом привыкла к ним. Цветы чувствовали себя неплохо, Зоя говорила, что бабушка присматривает за ними сверху.

В аэропорту было, как всегда, шумно и многолюдно. Вера без труда нашла свой рейс, билеты у нее были на руках, а в турфирме сказали, что их представитель появится только в Неаполе, до Италии, мол, сами долетите.

В самолете Вера нашла свое место и села, убрав куртку наверх.

– Какие люди! – услышала она.

На место рядом с ней плюхнулся невысокий, рыхловатый и неряшливый мужичок самого непрезентабельного вида.

– Вы не ошиблись? – спросила она с тайной надеждой. – Это ваше место?

– Разумеется, вот! – Он потряс посадочным талоном. – Семнадцать В, как раз мое.

Так что давай знакомиться, я – Арсений.

Так-так, значит, как обычно Вере повезло с соседом, будет теперь вязаться всю дорогу.

– В Неаполь летишь, – он не спросил, а констатировал факт, – по путевке, я знаю.

Поскольку прямого вопроса в его словах не было, Вера сочла за лучшее промолчать. Мужичок, ожидая, наверное, с ее стороны ахов и охов, откуда он знает и как догадался, разочарованно вздохнул. Затем снова приободрился и оглядел Веру пристально, наклонив голову, как будто оценивая.

Она хотела прямо спросить, с чего это он так уставился, но снова промолчала. А противный тип хмыкнул, и выражение лица у него было – мол, ничего особенного, но что делать, выбирать не приходится.

– Тебя Верой зовут, я знаю, – сказал он, и тогда Вера наконец догадалась. Значит, Лариска все-таки сумела пристроить свою путевку, и вместо нее будет теперь вот этот козел. Причем небось все рассказала про Веру. И этот... как его... Арсений считает своим долгом держаться с ней как с давней знакомой, то есть по-хамски.

– Простите... – послышался рядом неуверенный голос, – вы не могли бы поменяться со мной местами? Тут через проход моя знакомая, мы случайно встретились... мое место в конце салона, а она не может летать сзади, там душно...

Вера подняла голову, на Арсения смотрел немолодой мужчина с бородкой.

– Нет, я не хочу назад! – резко сказал Арсений. – Что возле туалета-то маяться...

– Я с вами меняюсь! – неожиданно для себя сказала Вера. – Раз уж вам так нужно...

И поскорее встала, не глядя на Арсения. Тот вынужден был ее пропустить. Женщина через проход благодарила ее от души, мужчина улыбнулся, отчего помолодел на несколько лет. Так-то он был немолод, опирался на палку.

Вера подхватила свои вещи и ушла в конец салона. Место рядом с ней было свободно. Она села и закрыла глаза, чтобы не видеть мелькавших мимо стюардесс.

Самолет вырулил на взлет, затем разогнался и оторвался от земли. Вера выслушала инструктаж стюардессы и напутствие командира корабля, после чего собиралась заснуть. Она ужасно устала за последние несколько дней и пообещала себе, что эту неделю будет просто отдыхать. Но сон не шел, а вместо него пришли мысли о том, как же так получилось, что она, Вера, оказалась совершенно одна в целом мире, одна, хотя вокруг множество людей. А у нее нет никого, совершенно никого близкого. Ни мужа, ни любовника, ни близкого друга, ни родителей, ни братьев-сестер, ни подруг. Была у нее одна подруга, да вот получается, что и ее теперь не станет...

За два дня до сентябрьских ид, в год консульства Луция Корнелия Непота и Квинта Клавдия Цедиция, а прозе говоря, в шестьсот восьмидесятом году от основания Рима, Большой цирк был полон зрителей. Больше ста тысяч человек сидело на скамьях цирка в ожидании боя гладиаторов. Больше ста тысяч человек предвкушало это кровавое варварское зрелище.

Лучшие места на скамьях цирка занимали римские патриции и всадники со своими клиентами, знатные матроны и богатые вольноотпущенники, откупицики и менялы, богатые купцы и знатные иностранцы, приехавшие в Вечный город со всех концов мира. Эти места заранее занимали для богатых и знатных зрителей цирковые жуки – нищие бездельники и пройдохи, которые этим ремеслом зарабатывали на жизнь, приходя в цирк задолго до представления и потом уступая свои места за два-три сестерция.

Но и те, у кого не было лишних денег на лучшие места, ничуть не расстраивались по этому поводу. Пусть их места были не так удобны, но и они могли насладиться кровавым зрелищем, зрелищем чуждого страдания и смерти.

Цирк был полон – ремесленники и нищие, бродячие комедианты и уличные танцовщицы, мелкие торговцы и покрытые шрамами легионеры, участники военных кампаний прошлых лет, шумно обсуждали предстоящее зрелище, сравнивали достоинства знаменитых гладиаторов, делали ставки.

Среди зрителей сновали шустрые разносчики, продавцы лепешек, пирожков с требухой и жареных бобов, соленой рыбы и орехов, дешевого кислого вина и простой воды.

– Эй, поди сюда! – окликнул разносчика вина мужчина в светлом плаще с зеленой полосой по краю. По его внешнему виду было ясно, что человек он не бедный, хотя сидит не на лучшем месте.

– Сию секунду, благородный господин! – откликнулся виноторговец, протискиваясь между зрителями. – Вот он я! Извольте, у меня самое лучшее тускуланское вино!

Он нацедил вина в глиняный стаканчик, подал клиенту.

Тот пригубил, поморщился:

– Кислятина! Чистый уксус!

– Клянусь Бахусом, это лучшее тускуланское! – божился торговец, вытаращив карие глаза. – Чтоб меня пожрали демоны преисподней, ежели я вру!

– Врешь, врешь, разбойник! – Клиент усмехнулся. – Ладно, вот тебе сестерций!

– Не грех бы добавить! – Разносчик огляделся по сторонам, наклонился и незаметно вложил в руку клиента сложенный вчетверо клочок пергамента.

Глаза римлянина вспыхнули, он опасливо осмотрелся, спрятал записку в складках тоги, хотел было что-то сказать виноторговцу, но того и след простыл.

Внезапно по всему цирку прокатились рукоплескания и приветственные возгласы, постепенно превратившиеся в оглушительный гул – это зрители приветствовали появившихся консулов. Они шли в окружении друзей и клиентов. Впереди вышагивал Луций Корнелий Непот, как всегда мрачный и неразговорчивый, за ним – Квинт Клавдий Цедиций, полная его противоположность – балагур и красноречивый, он что-то рассказывал молоджавому сенатору.

Консулы и их спутники расселись, и распорядитель подал сигнал к началу представления.

Ворота камер открылись, и колонна гладиаторов быстрым шагом вышла на арену.

Секуторы с короткими мечами-гладдиусами и большими прямоугольными щитами, ретиарии, вооруженные лишь трезубцем, кинжалом и сетью, которой они должны были опутать своего противника, гопломахы в стеганых парусиновых панцирях, с длинным прямым мечом и большим щитом легионера, фракийцы с кривыми короткими мечами, в шлемах без забрала, андабаты, которые во время сражения надевали шлемы с забралом без прорезей для глаз и сражались друг с другом вслепую, используя только слух.

Гладиаторы обходили арену под громкие поощрительные крики зрителей.

Несмотря на то что скоро им предстояло сражаться друг с другом, а многим из них – погибнуть страшной смертью, пока они спокойно переговаривались, обсуждали знакомых гетер и результаты последних скачек.

Поравнявшись с тем местом, где сидели консулы, гладиаторы остановились, выстроились в ровную колонну и по команде ланисты дружно воскликнули:

– Привет вам, благородные мужи!

Луций Корнелий Непот промолчал, Квинт Клавдий Цедиций приподнялся и одобрительно проговорил:

– Молодцы! Хороши!

Процессия гладиаторов обошла всю арену и снова скрылась за воротами камер.

На арене остались только два бойца, которым предстояло начать сражение: фракиец и ретиарий.

Воспользовавшись тем, что все зрители поглощены увлекательным зрелищем, мужчина в светлом плаще с зеленой полосой достал обрывок пергамента, который передал ему торговец вином, и осторожно развернул его.

На пергаменте было начертано всего несколько слов:

«После третьей стражи, в таверне «Кабанья голова» возле храма Гермеса Лидийского».

Мужчина спрятал записку и стал следить за кровавым представлением.

Он не заметил, что за ним самим с верхнего ряда сидений следит сутулый человек в надвинутом на глаза капюшоне.

Проследив за мужчиной в светлом плаще с зеленой полосой, человек в капюшоне покинул цирк и поспешил в грязный и многолюдный район позади знаменитой Мамертинской тюрьмы.

Здесь в убогих хижинах и в простых землянках ютились мошенники и воры, нищие и наемные убийцы – весь тот сброд, которого хватает в любом большом городе.

Человек в капюшоне шел по узкому переулку, уворачиваясь от помоев, которые выливали прямо из окон, как вдруг навстречу ему попались двое местных обитателей – здоровенный одноглазый верзила в поношенном военном плаще и толстый коротышка в грязной тунике.

– Постой-ка, добрый человек, – обратился верзила к прохожему, – мне сдается, что ты – не из местных жителей! Чего ты здесь ищешь? Приключений?

– Чего бы он здесь ни искал, – вступил в разговор коротышка, – он и, правда, не здешний, а это значит, что он должен заплатить пошлину за проход через наши владения!

– Вот вас-то я и искал, – проговорил человек в капюшоне, – вы мне и нужны, молодчики.

– Ты нас искал? – Верзилу явно удивил такой ответ. – Зачем же?

– Не заливай! – перебил его коротышка. – Видите ли, он нас искал! Этот щеголь хочет перехитрить нас и отделаться без пошлины! Да только ничего у него не выйдет!.. – с этими словами он схватился за дубинку.

– Постойте, молодцы! Дайте мне сказать то, ради чего я пришел, и уверяю вас – вы останетесь довольны!

– Послушаем его, – миролюбиво предложил верзила, – все равно он никуда от нас не уйдет!

Человек в капюшоне подошел ближе к громилам и заговорил, понизив голос.

Вера очнулась от мыслей в своем номере на довольно неудобной кровати. Было жарко, потому что кондиционер работал вполсилы. А если включить на полную мощность, то будет очень шумно, не заснешь.

Вот и все, что заставило ее полететь в Неаполь. В конце концов, ничего такого страшного не случилось, в Неаполь все-таки, не на Колыму. Можно было бы наплевать на идиотку Лариску, наступающую на те же грабли с упорством, достойным лучшего применения, а также на ее хамскую мамашу и просто отдохнуть. Море, солнце, кругом такая красота... Не думать ни о чем, а просто выпитывать это все. Но все испортил этот урод Арсений. Пристал как банный лист, а Вера не нашла в себе мужества послать его подальше. Есть такие люди – что им ни говори, все без толку, они считают такую беседу флиртом, признают только грубую силу. Ну, не драться же с ним, в самом деле, люди кругом, неудобно все-таки...

Вера встала, выключила кондиционер, от которого все равно не было никакой прохлады, и открыла окно. В комнате сразу стало легче дышать.

Как ни странно, после таких грустных мыслей Вера почти сразу заснула.

Ей снились какие-то бессвязные, отрывочные сюжеты. То она бродила по какому-то шумному, многолюдному рынку, но люди вокруг нее говорили на незнакомом языке и одеты были

странно – в длинные светлые плащи, заколотые на плече, или в длинные рубахи из серого льна. В памяти всплыли слова – тога, туника, которые произносила Джульетта, еще какие-то полузабытые слова из истории Древнего мира.

Во сне кто-то дотронулся до ее плеча, Вера обернулась и увидела человека в театральной трагической маске, с перекошенным страданием ртом и пустыми глазницами...

Потом ей снилось, что она сидит на каменной скамье огромного амфитеатра, среди тысяч таких же зрителей, а внизу, на арене, на залитом кровью песке две группы людей в окровавленных бронзовых доспехах насмерть бьются друг с другом. И снова кто-то дотронулся сзади до ее плеча.

Она обернулась и увидела на следующей скамье человека в трагической маске, с черными провалами глазниц...

После этого будто незримый режиссер опять сменил декорации, смонтировал новый эпизод фильма.

Теперь Вере снилось, что она идет по узким переулкам древнего города, куда-то спешит, а за спиной у нее раздаются настигающие ее шаги. Она шла все быстрее, едва не бежала, но шаги за спиной неотвратно приближались, становились все громче, отдаваясь гулким эхом от серых каменных стен, Вера уже отчетливо слышала шумное, хриплое дыхание преследователя. В ее душе нарастал страх, и она знала только одно – ни в коем случае нельзя оборачиваться...

Впереди она увидела дверь.

За этой дверью была надежда, спасение...

Вера бросилась вперед и принялась колотить в дверь, в кровь разбивая костяшки пальцев. – Откройте! – закричала она срывающимся, жалким голосом. – Впустите меня!

Дверь не открывалась, никто не отзывался на ее отчаянную мольбу о помощи, а преследователь уже настиг ее, подошел вплотную, дотронулся рукой до ее плеча.

Вера не выдержала, обернулась – и снова увидела за спиной человека в трагической театральной маске, и снова мрачная тьма смотрела на нее из черных провалов глазниц...

Были еще какие-то сны, бессвязные и душные, как жаркая южная ночь, но в каждом сне рано или поздно появлялся тот же человек в театральной трагической маске. В театральной маске с темными, пустыми провалами глазниц.

И вдруг на крутом повороте очередного сна она проснулась – резко, внезапно, с пересохшим ртом и сильно бьющимся сердцем. Проснулась, разбуженная каким-то звуком.

Она лежала в постели на влажных сбившихся простынях и прислушивалась к ночной тишине.

В комнате было темно-темно, как в подземелье. Наверное, небо было затянуто облаками, укрывшими луну от посторонних глаз. В открытое окно струился ночной воздух, пропитанный ароматами южных трав с солоноватым привкусом ночного моря. В отдалении слышался тихий, умиротворяющий шум волн, похожий на ровное дыхание спящего великана.

Но Вера прислушивалась не к этому далекому шуму, а к звукам в своей комнате, потому что именно эти звуки разбудили ее.

Сначала она ничего не слышала и уже начала успокаиваться, подумала, что странный звук ей приснился. Перед ее глазами уже замелькали яркие пятна и полосы, постепенно превращаясь в картины надвигающегося сна, как вдруг она снова отчетливо услышала тот же звук, который ее разбудил.

В ее комнате кто-то был, и теперь этот кто-то медленно передвигался в темноте.

Сна как не бывало.

Вера села в кровати, напряженно всматриваясь и вслушиваясь в темноту. Ей показалось, что она разглядела смутный человеческий силуэт возле шкафа.

Этот силуэт чуть заметно переместился – и тут же раздался едва слышный скрип.

Это приоткрылась дверца шкафа.

Верину горло перехватило от страха.

В комнате кто-то был, кто-то рылся в ее вещах...

В это время луна вышла из-за облаков, и ее бледный болезненный свет проник в Верину комнату.

Серебристо-голубой луч высветил тусклое пятно возле шкафа, и Вере показалось, что она спит, спит и видит страшный сон.

Потому что пятно, освещенное лунным светом, оказалось страшной театральной маской из ее сна.

Вера, задыхаясь от ужаса, взглядела в лунную полутьму и поняла, что то, что она приняла за маску, было человеческим лицом. Широким, смуглым лицом, изрытым оспинами. Лицом, удивительно похожим на трагическую театральную маску. Лицом того человека, который напал на нее в античном доме.

И тогда Вера закричала – страшно, безысходно, в этом крике слились страх смерти и ужас перед неизвестным, ужас перед таящимся в темноте кошмаром.

Она кричала все громче и громче, и вдруг хлопнула входная дверь, и в комнате началась какая-то непонятная суеда. Вера слышала возню, сопение и приглушенные крики, звуки ударов и тяжелое дыхание. От удивления Вера перестала кричать. Потом снова хлопнула дверь, и в комнате наступила тишина.

Вера какое-то время боялась пошевелиться, но тут возле двери раздался негромкий стон.

Она вскочила, нащарила выключатель и нажала на кнопку.

Вспыхнул яркий свет, и Вера увидела лежащего на полу возле двери человека в длинной футболке и поношенных спортивных штанах.

Глаза его были закрыты, лицо было мертвенно-бледно, он тяжело дышал, время от времени постанывая, на лбу виднелась кровоточащая ссадина. Из-за этой ссадины, а еще больше от удивления в первую секунду Вера его не узнала. Но уже во вторую секунду она поняла, что это – Арсений, кошмар ее итальянской поездки.

Вера накинула халат, взяла со стола стакан, налила в него минеральной воды из бутылки и плеснула на лицо Арсения.

Он фыркнул, открыл глаза и удивленно заморгал.

– Вы? – спросил, увидев Веру. – Вы... ты цела? Что случилось?

– Что? – переспросила Вера. – Это я хотела бы узнать!

У Арсения был такой растерянный и несчастный вид, что она усовестилась, налила еще воды и поднесла к его губам. Он жадно выпил полстакана, лицо порозовело.

Вера осознала, что сама тоже не в лучшем виде, губы ее трясутся, голос дрожит. Она хотела допить воду, но тут увидела губы Арсения – толстые, противные, как две гусеницы, с полоской плохо выбритой кожи над верхней – и не смогла заставить себя выпить хоть каплю воды из того же стакана, из которого только что пил он.

Тем не менее она постаралась взять себя в руки. Ей это почти удалось, по крайней мере, справившись с голосом, она спросила:

– Что... что это было? Что случилось?

– А ты не знаешь? – переспросил Арсений недоверчиво.

– Нет, – она помотала головой, – я проснулась... в моей комнате кто-то был... мне стало очень страшно, я закричала... потом была какая-то возня, я включила свет, и вот... как ты-то здесь оказался?

– Ну да, ты закричала, я бросился на помощь, вбежал в комнату, наткнулся на какого-то человека, мы с ним подрались, он убежал... так ты не знаешь, кто это был?

– Конечно, нет! – бросила она возмущенно, поняв его намек. – Понятия не имею! – И тут же добавила: – А дверь? Дверь была открыта?

– Открыта, – кивнул Арсений, – иначе как бы я попал?

– Действительно, – согласилась Вера.

Она точно помнила, что перед тем, как лечь, заперла дверь на задвижку. Теперь та задвижка валялась на полу под дверью, вырванная с мясом.

– Вот как... – протянула Вера.

Тут она как бы заново увидела ссадину на лбу Арсения и проступающие синяки в других местах и устыдилась.

Она взяла чистое полотенце, намочила его край холодной водой и промыла ссадину. Потом нашла в своем чемодане пластырь и прилепила его на лоб Арсения.

Арсений поднялся, потряс головой.

– Ну что, сейчас получше?

– Немного лучше... – протянул он страдальческим тоном, в котором Вера отчетливо слышала актерскую игру.

Ну, ясно, теперь он будет изображать страдальца и требовать сочувствия и ласки... Скажет, что у него кружится голова, что не может идти, что немножко полежит, а постель-то одна... Нет уж! Она не поддастся на такую провокацию!

– Ну, а если лучше – так отправляйся к себе в номер! – проговорила она строго.

– К себе? – В голосе Арсения прозвучало разочарование, и он на маленький шагок приблизился к ее кровати. – А что, если тот человек снова вернется?

– Не вернется! – отрезала Вера.

Она вовсе не была уверена в своих словах, но сейчас больше всего хотела выпроводить Арсения.

– Не вернется, после такого шума... все, отправляйся к себе!

– Никакой благодарности! – воскликнул Арсений с пафосом. – Я тебя спас от грабителя, ценой... – он хотел, видимо, сказать «ценой своей жизни», но вовремя одумался, сообразил, что это будет явный перебор, и поправился: – Ценой своего здоровья, – он коснулся заклеенного пластырем лба и страдальчески поморщился, – а ты... ты...

– А что – я? – раздраженно перебила его Вера. – Что же, я теперь из благодарности должна упасть к тебе в объятия? Ты так это себе представляешь?

– Н-ну... – он явно был не против такого развития сюжета.

– А ну, выметайся! – рявкнула Вера. – Спасибо тебе, конечно, но на этом – все!

Она хотела добавить, что еще неизвестно, что хуже – оказаться наедине с неизвестным грабителем или с ним, с Арсением, но вовремя прикусила язык. Все-таки, если бы не появление Арсения, неизвестно, как развивались бы события дальше.

– Тихе, тихе! – забормотал Арсений, оглядываясь на дверь. – Люди услышат, будет скандал...

Тут в голове у Веры шевельнулась неожиданная мысль.

– Услышат? – проговорила она с сомнением. – Вряд ли, здесь очень хорошая звукоизоляция. Даже когда я орала от страха, никто меня не услышал. Никто, кроме тебя. Вот как, интересно, ты услышал мои крики? Ведь твой номер очень далеко от моего!

– Ну... – Арсений замялся, глаза его забегали.

– Все ясно! – выпалила Вера. – Ты был у меня под дверью! Интересно, что ты здесь делал?

– Ну да, я случайно тут оказался... проходил мимо... совершенно случайно...

– Ага, совершенно случайно, и в таком виде! – Вера презрительно фыркнула, оглядев его сомнительный ночной наряд. – Все ясно, ты хотел пробраться ко мне в комнату, ко мне в постель!

– Нет, ничего подобного! – завершал Арсений, но под гневным Вериним взглядом потупился. – Ну, а что было делать? Ведь это последняя ночь, последняя возможность...

– Да с чего ты вообще взял, что у меня к тебе может быть какой-то интерес?

– Но ты все же женщина... у тебя должны быть естественные потребности... – бормотал Арсений смущенно.

– Что? Потребности? – фыркнула Вера. – Ты вообще-то в зеркало давно смотрелся?

– А что такого? – Арсений приосанился. – Внешность для мужчины – не самое главное! Я – мужчина, ты – женщина с проблемами в личной жизни... одинокая...

– Что? – Вера поперхнулась. – Да что ты вообще обо мне знаешь? Что ты можешь знать?

– Я... я знаю... она мне сказала, что у тебя давно уже никого нет, и это будет просто актом милосердия...

– Чего? Милосердия? – Вера вытаращила глаза, и тут до нее дошла вся его фраза, от начала до конца. – Она тебе это сказала? Да кто же эта она?

Арсений понял, что проговорился, что ляпнул лишнее, и заюлил, замел хвостом:

– Да нет, никто... это я просто так, фигурально выразился... – и он тихонько начал перемещаться к двери.

– Нет уж, дорогой! – На этот раз Вера встала у него на пути. – Начал признаваться – говори до конца! Кто она? Кто тебе про меня рассказывал?

Вера прижала Арсения к стене и потянула за край пластыря, залеплявшего ссадину.

– Говори, или я тебе сейчас все заново расцарапаю! Кто она?

– Эль... Эльвира Петровна... – проблеял Арсений, в ужасе глядя на свою мучительницу.

– Эльвира Петровна? – изумленно переспросила Вера, – Ларкина мамаша?

– Да... – признался Арсений.

Вера отпустила его. Она была потрясена. И она ничуть не сомневалась, что Арсений говорит правду. Иначе откуда он вообще знает о существовании Эльвиры Петровны?

Но та-то какова! Подстроить ей такую подлянку! Мало того что ей из-за Ларки пришлось одной ехать в Италию, так еще испортили ей всю поездку, подсыропив этого придурка! Старая сводня!

– Рассказывай, – проговорила Вера мрачно.

Арсений понял, что обратного пути нет, что теперь ему придется каяться до конца, и заговорил:

– Мы с Эльвирой Петровной вместе работаем... в одном конструкторском бюро... и у меня как раз подошел очередной отпуск, она мне и предложила купить путевку с большой скидкой. Ее дочь купила эту путевку, а сама не смогла поехать... что-то у нее случилось в личной жизни...

– Случилось! – мрачно подтвердила Вера и добавила: – А ты продолжай, продолжай! Времени до утра много!

– Ну вот, она мне предложила эту путевку и сказала, что вместе со мной полетит Ларина подруга, то есть вы... то есть ты... и что у вас... тебя... большие проблемы в личной жизни, в смысле ее вообще нет... и что если я постараюсь к вам... к тебе найти подход, это будет нетрудно... и что я тем самым сделаю доброе дело...

– Ага, доброе дело! – передразнила его Вера и огляделась вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого. – Вот я сделаю доброе дело всему человечеству, если проломлю тебе башку! И скажу, что так и было! Что тебя угробил ночной грабитель!

– Ой! – пискнул Арсений и попытался протиснуться к двери. Но Вера его не отпустила – она еще не закончила допрос.

– Здорово устроился! – проговорила она. – Мало того что путевку купил со скидкой, так еще тебе и девочку по вызову пообещали? Эскорт-услуги? Раскатал губенки!

– Я... я ничего... – мямлил Арсений, – я думал...

– Думал он! – перебила его Вера. – Ты бы лучше в зеркало на себя посмотрел!

– А сама-то! – опомнился от возмущения Арсений. – Кого это ты ночью принимала? Говоришь, грабитель? Да что у тебя брать-то?

– Все, выматывайся к себе! – Вера грозно нахмурилась и двинулась на Арсения. – Выматывайся, а то я тебе всю морду расцарапаю!

– Ну что ты, что ты... – забормотал Арсений, пятясь к двери, – мы же интеллигентные люди...

– Что?! – Вера фыркнула. – Может, ты себя считаешь интеллигентным человеком? Не смей меня! А я на интеллигентность не претендую и сейчас докажу тебе это!

Она сделала вид, что собирается вцепиться ему в глаза, и Арсений, продолжая пятиться, выскочил в коридор. Вера вышла за ним, чтобы убедиться, что он действительно ушел.

При этом она заметила, что дверь соседнего номера закрылась.

Очень мило, значит, кто-то подслушивал их ночной скандал.

Ну и черт с ними, наплевать и забыть! Завтра она улетит домой и больше никогда не встретит этих людей!

Вера вернулась в номер, закрыла дверь и приставила к ней стул. Если теперь кто-то опять попытается влезть в ее номер, он непременно уронит стул и этим выдаст себя...

Однако остаток ночи прошел спокойно, и Вера умудрилась даже немного поспать.

Разбудил ее дрозд, который радостно щебетал в ветвях кипариса за окном.

При свете дня ночные приключения показались ей не такими страшными. Да было ли все это, в самом деле? Не приснился ли кошмар?

Впрочем, стул стоял возле двери, подтверждая реальность ночного эпизода...

Тем не менее, подумала Вера, нужно было заниматься текущими делами. Она вспомнила, что сегодня день возвращения, скоро их повезут в аэропорт, и принялась спешно собираться.

В аэропорт их группу привезли в том же автобусе, в котором неделю назад доставили в отель. На этот раз Арсений сел в самом дальнем от нее конце автобуса и держался тише воды ниже травы. Это было неудивительно – синяки у него на лице проступили во всей красе, да и залепленная пластырем ссадина не добавляла шарма его и без того неказистой внешности. Кстати, эти украшения еще раз подтвердили реальность ночного происшествия.

Сердобольная старушка Зинаида Васильевна спросила Арсения, что с ним случилось. Он взглянул на нее волком и пробормотал, что гулял ночью возле моря и упал на камни. Зинаида Васильевна увидела выражение его лица и воздержалась от дальнейших расспросов.

Когда их привезли в аэропорт, времени до отлета оставалось еще много. Вера прошла регистрацию, сдала чемодан и, прежде чем пройти в таможенную зону, направилась к небольшому кафе, чтобы выпить чашку хорошего кофе.

И тут, перед входом в кафе, она увидела человека с широким смуглым лицом, напоминающим античную театральную маску.

Того самого человека, который напал на нее среди руин Помпеи.

Того человека, который ночью пробрался к ней в комнату.

Вера побледнела и попятилась, а смуглый человек шел прямо на нее, глядя в упор своими глубоко посаженными глазами.

На несколько секунд Вера впала в ступор. Она смотрела на страшного незнакомца, как кролик на удава, не в силах отвести взгляд от его темных гипнотических глаз. Но потом, когда их разделяло всего несколько метров, она опомнилась, усилием воли сбросила гипнотическое оцепенение и бросилась прочь.

Она бежала вперед, не разбирая дороги, натываясь на посторонних людей, которые провожали ее удивленными и раздраженными взглядами. Обернувшись, она увидела, что таинственный незнакомец идет за ней, и расстояние между ними неумолимо сокращается.

Впереди показалась табличка женской комнаты, и Вера метнулась туда – уж в эту комнату смуглый преследователь не посмеет войти...

Захлопнув за собой дверь, Вера перевела дыхание, постаралась успокоиться.

Почему, собственно, она так испугалась?

Тот человек не посмел бы напасть на нее. Одно дело – безлюдные древние руины, и совсем другое – шумное, многолюдное здание аэропорта...

Но вообще, подумала Вера, что ему от нее нужно?

Вчера, в Помпеях, она приняла его за обычного грабителя, который подкарауливал среди руин случайную жертву, но ночью он проник к ней в номер... хотя, возможно, она просто обозналась в темноте, и в ее комнате был совсем другой человек. Но здесь, в аэропорту, среди белого дня она не могла ошибиться, это был тот самый человек. Значит, он охотится именно за ней...

Додумать свою мысль Вера не успела, потому что дверь дамской комнаты распахнулась, и в нее вошла высокая смуглая девица в кожаной куртке-косухе с заклепками и узких кожаных брюках, с коротко стриженными черными волосами. Ее красивое лицо немного портил шрам под левым глазом, похожий на трехлучевую звезду.

Девица быстро, воровато огляделась по сторонам, убедилась, что в помещении нет никого, кроме них с Верой, шагнула к Вере и попыталась вырвать у нее сумку.

Вера, ошарашенная таким внезапным нападением, сумела, однако, собраться и вцепилась в сумку мертвой хваткой.

Лицо брюнетки перекошилось, она выдала длинную яростную фразу по-итальянски, затем сунула правую руку в карман куртки и вытащила оттуда складной нож. Щелчком выбросив лезвие, шагнула к Вере, замахнулась ножом...

Вера ахнула и попятилась. Она не могла отвести взгляд от сверкающего лезвия. В желудке у нее похолодело от страха. Она готова была отдать сумку, лишь бы самой уцелеть, но в это время случилась новая неожиданность.

Дверь одной из кабинок распахнулась, и оттуда выскочила женщина в широких клоунских штанах и необъятной кофте умопомрачительной расцветки, с объемистой сумкой в руке. Вера с изумлением узнала в ней гида из турфирмы Джульетту. Дико взвизгнув, Джульетта подскочила к кожаной девице и с размаху ударила ее своей сумкой.

Брюнетка, не ожидавшая нападения с тыла, охнула и выронила нож. Джульетта же, не теряя ни секунды, развила свой успех. В руке у нее появился яркий баллончик, и она выпустила в лицо брюнетке струю резко пахнущей жидкости.

Девица закашлялась, схватилась за горло. Глаза ее покраснели и едва не вылезли из орбит.

Джульетта же схватила Веру за руку и вытащила ее из дамской комнаты.

Вера мельком заметила неподалеку от двери человека со смуглым лицом, похожим на античную маску, но тот, увидев Джульетту, смешался с толпой.

Джульетта подвела Веру к очереди на паспортный контроль и только здесь перевела дыхание.

– Спасибо... – пролепетала Вера, приходя в себя, – вы меня спасли... эта девица пыталась отнять у меня сумку... вы так вовремя подоспели и так здорово с ней справились...

– Это Неаполь... – хмыкнула Джульетта, – здесь нужно держать ухо востро. А я тут уже восемнадцать лет живу, приновилась. Здесь нельзя расслабляться, и баллончик с перцовой смесью стоит всегда держать под рукой.

– Даже в аэропорту опасно! – удивленно проговорила Вера.

– Даже в аэропорту, – подтвердила Джульетта, – но после паспортного контроля, в таможенной зоне, можно будет немного расслабиться. Туда преступники не суются – ведь тут нужно предъявить документы. Ладно, ваша очередь уже подходит, а я пойду встречать новую группу. Счастливого пути!

Вера еще раз поблагодарила Джульетту и направилась к окошку паспортного контроля.

После паспортного контроля надо было пройти досмотр ручной клади и личных вещей. Здесь Вера на секунду замешкалась: она подозревала, что амулет, который ей случайно достался в Помпеях, – старинный, и его, наверное, нельзя вывозить из страны.

Но эту задачу она решила быстро: сунула металлический кругляшок в кошелек, где у нее болтались оставшиеся монетки по одному-два евро. Известно, что лист лучше всего прятать в лесу, а старинный амулет, похожий на монету, – среди других монет. Содержимое кошелька никто не станет проверять.

Дальше все прошло без приключений, и через сорок минут она заняла свое место в самолете.

Рядом с ней оказался немолодой мужчина с бородкой – тот самый, которому она уступила место во время перелета из Петербурга. Вера обрадовалась ему, как родному. Тот тоже улыбнулся ей, узнавая, от этого лицо его помолодело.

– Ну как, хорошо отдохнули? – спросил ее сосед, когда самолет набрал высоту.

– Да, неплохо... – уклончиво ответила Вера, не собираясь рассказывать подробности своих итальянских приключений незнакомому человеку, и спросила, чтобы избежать дальнейших расспросов: – А вы? Что-то вы совсем не загорели.

– А я не отдыхал, – ответил сосед с улыбкой, – я был здесь по работе... приезжал на конференцию, посвященную античному искусству. Сделал доклад, послушал своих коллег...

– Как интересно! – оживилась Вера. – Вы занимаетесь античным искусством?

– Да, – и сосед протянул ей визитную карточку.

На двух сторонах серебристого прямоугольника было напечатано по-русски и по-английски, что владелец этой карточки – профессор Сергей Степанович Козодоев, сотрудник итальянского отдела Института истории искусств.

– Здорово! – искренне восхитилась Вера. – Вы, наверное, знаете Италию как свои пять пальцев?

– По-настоящему узнать Италию невозможно, – видно было, что профессор оседлал своего любимого конька, – Италия прекрасна и неисчерпаема, и чтобы изучить ее, одной жизни мало. Нужно прожить целую жизнь во Флоренции, еще одну жизнь – в Венеции, две жизни – в Риме, еще одну – в Неаполе, откуда мы с вами сейчас летим...

– Да вы – поэт!

– Италия кого угодно сделает поэтом! Здесь каждый камень дышит поэзией и искусством!

– Да, вы правы... конечно, я очень мало успела увидеть за неделю, но и я поняла, что Италия прекрасна!

– Надеюсь, что поездка сумела разбудить ваш интерес к этой стране, и вы постараетесь узнать о ней как можно больше.

– Да, вот, кстати, может быть, вы скажете мне, что значит такой странный рисунок: три ноги, бегущие по кругу, как три луча звезды?

– Три бегущие ноги? – переспросил профессор.

– Да, вот такой примерно рисунок!

Вера взяла листок бумаги и нарисовала на нем изображение со своего амулета.

Профессор с интересом взглянул на ее рисунок, затем поднял на Веру глаза:

– Где вы это видели?

– Не помню, – Вера невольно отвела взгляд, – в каком-то музее... знаете, за эти дни у меня было столько впечатлений, что все в голове перемешалось. Но этот рисунок отчего-то запал в память, я его даже во сне видела!

– Это неудивительно. Рисунок, о котором вы говорите – это символ Гермеса Трисмегиста...

– Гермеса, бога торговли? – переспросила Вера.

– Нет, Гермес Трисмегист не имеет никакого отношения к греческому богу торговли! По преданию, Гермес Трисмегист, или Трижды Величайший, был самым древним божественным фараоном Египта, правившим за несколько тысяч лет до нашей эры. Легенда наделяет его чертами бога мудрости Тота, посредника между богами и людьми, которого называли «писцом богов». Опять же по легенде, Гермес Трисмегист обладал сокровенными знаниями древней цивилизации атлантов, жителей мифической Атлантиды. Небольшую часть этих знаний он передал жрецам, и на этих знаниях была построена великая цивилизация Египта. Когда Гермес Трисмегист умер, жрецами на его могилу была возложена изумрудная плита, на которой в символической форме изложены знания атлантов, так называемая Изумрудная скрижаль, или *Tabula Smaragdina Germetis*...

– Но вы говорите сейчас о Древнем Египте, а я видела этот символ в Италии...

– Сейчас я вам все объясню. Опять же, по легенде, Александр Македонский во время своего восточного похода нашел могилу Гермеса Трисмегиста и Изумрудную скрижаль. Текст скрижали был тщательно скопирован сопровождавшими Александра учеными, эти копии попали и в Грецию, и в Рим, и впоследствии лучшие умы Древнего мира пытались расшифровать его... – Профессор сделал паузу, чтобы Вера могла по достоинству оценить его слова, и продолжил: – Существуют многочисленные комментарии к содержанию Изумрудной скрижали, а в Древней Греции и Риме возникли тайные общества поклонников и последователей Гермеса Трисмегиста. Так вот, одно из этих обществ, называвшееся Изумрудная коллегия, избрало своим символом такой рисунок, о котором вы меня спросили. Члены этого общества полагали, что Гермес Трисмегист как-то связан со своим тезкой, греческим богом торговли Гермесом, а символ Гермеса – нога в крылатой сандали. Чтобы отразить в своем символе второе имя своего кумира – Трижды Величайший, – члены общества изобразили на нем три бегущие ноги. Кроме тройственности Гермеса, этот знак символизирует также бесконечность познания и вечное развитие. Собственно, этот знак связан и имеет сходство с древним индийским символом свастики, древним символом вечности, опозоренным Третьим рейхом...

– Я совсем запуталась! – вздохнула Вера, – Египет, Греция, Рим, а потом еще и Третий рейх...

– Ну, рейх здесь ни при чем, а вот в Риме Изумрудная коллегия обладала значительной властью. И можете себе представить – некоторые исследователи считают, что наследники этого тайного общества существуют даже в наши дни!

– Что вы говорите? – удивленно протянула Вера. – С тех пор прошло столько веков...

– Да я и сам с недоверием отношусь к этой теории! Но все же... Ох, – спохватился профессор, заметив, что Вера в изнеможении откинулась на спинку кресла, – я вижу, что утомил вас своей лекцией, что вы хотели бы отдохнуть...

Вера слабо запротестовала, но тут принесли ланч, после которого ее и правда потянуло в сон. И вот уже побежали перед глазами пыльные дороги, и древние развалины, и обломки каменных колонн и мраморных статуй, и колодец, куда Вера хотела заглянуть, но он был так глубок, что в темноте не видно было дна.

У нее в руках оказался масляный светильник, который она видела в музее, Вера подняла его повыше, и вдруг в глубине колодца возникло лицо той самой женщины, что напала на Веру в туалете аэропорта, стремясь вырвать у нее сумку. Лицо можно было бы, пожалуй, назвать красивым, если бы его не портил шрам под левым глазом, похожий на трехлучевую звезду.

Теперь лицо той женщины было, несомненно, мертвым. Исчезло выражение хмурой агрессии и злобы, сейчас это лицо никого не могло испугать, оно не выражало ничего, только в широко открытых мертвых глазах отражался светильник, который Вера держала в руках.

Она наклонилась ниже, и вдруг лицо стало приближаться, Вера в панике качнулась назад, ухватилась за шершавую стенку колодца – и проснулась.

И снова оказалась в салоне самолета. Сосед дремал с журналом на коленях. Вера посидела немного, ожидая, когда выровняется дыхание, затем обтерла лицо влажной салфеткой, подкрасила губы. В зеркале отражалась несуразная личность, волосы какие-то сивые – выгорели, что ли, на итальянском солнце. И лицо, с лицом нужно что-то делать. Ладно, это потом, а сейчас следует упорядочить свои мысли, тогда исчезнет заполошное выражение в глазах.

Итак, из всего, что случилось с ней за последние сутки, можно сделать вывод, что она чем-то заинтересовала опасных людей.

Этот тип, весь в шрамах и оспинах, и девица ему под стать, ясно же, что не простые они воришки. Если даже в номер гостиницы к Вере залезли, несмотря на то, что дверь она, естественно, запирала на ночь. Значит, сумели открыть, а это простому человеку не так-то легко.

В общем, понятно, что сама Вера им не нужна, если честно, она вообще никому не нужна. Вот пырнула бы девица Веру ножом – и кого это взволновало бы? Да никого, никому нет до Веры никакого дела.

Нет у нее никого из близких. Была одна подруга, да и та... Кстати, нужно бы как-то отомстить Ларкиной мамаше за то, что подсиропила ей Арсения, ну да ладно, это не главное...

Все началось после того, как Вера получила в Помпеях старинный амулет со знаком Гермеса Трисмегиста, причем отдали его ей явно по ошибке. Ну, перепутал ее тот черноволосый парень с кем-то. Сами виноваты, тотчас подумала Вера, нечего было ворон считать и по сторонам зевать.

Сами прохлопали, а у нее теперь неприятности. И главное – сразу надо нападать, хватать, в номер ночью лезть. Ты подойди по-хорошему – так, мол, и так, ошибочка вышла, не за ту вас, синьорина, приняли, отдайте амулет назад. Ну, Вера бы и отдала, ей чужого не нужно. Но только если по-хорошему попросят. А если по-плохому, то и у нее руки развязаны, не видать им этого амулета как своих ушей!

Произнеся мысленно эту фразу, Вера сама себе удивилась. Сдалься ей этот металлический кругляшок, хотя бы и старинный. А вот жалко с ним расставаться.

«И не отдам никому! – с неожиданной злобой подумала Вера. – Ни уроду этому рябому, ни той девке со шрамом!»

Высокая брюнетка в кожаной куртке-косухе быстро шла через людный зал аэропорта, мрачно глядя на спящих вокруг пассажиров. Время от времени кто-то из них налетал на нее и, увидев мрачное лицо брюнетки, спешил уступить ей дорогу.

Где-то по пути рядом с ней возник мужчина лет сорока с широким смуглым лицом, изрытым оспинами.

– В чем дело? – прошипел он, не поворачивая головы. – Ты не достала нашу вещь?

– Не получилось! – огрызнулась брюнетка, искоса взглянув на своего спутника.

– Ты что – не смогла справиться с той русской? Я ее видел, она совсем не тренирована!

– Что же ты, – огрызнулась брюнетка, – что же ты сам с ней не справился тогда, в Помпеях?

– Один – один! – поморщился мужчина.

– То-то! – Брюнетка расслабилась. – Девица была не одна, ей на помощь пришла та толстая тетка, экскурсовод... не знаю, как она там оказалась, но вдвоем они отбили от меня.

– Скверно, – пробормотал мужчина, – очень скверно...

Они вышли из здания терминала, направились к парковке. Но не успели пройти и двадцати шагов, как рядом с ними остановился длинный черный лимузин с тонированными стеклами. Дверца открылась, из машины выскочил высокий негр в безупречном черном костюме, сверкнул белками глаз и сухо проговорил:

– Садитесь. Господин Председатель хочет вас видеть.

Мужчина побледнел, отчего его смуглое лицо приобрело неживой тускло-серый оттенок. Переглянувшись со своей спутницей, он спросил негра:

– Мы поедem в городскую резиденцию или на виллу?

Негр ничего не ответил.

Мужчина опустил голову, сел на заднее сиденье. Брюнетка устроилась рядом с ним.

Негр сел за руль, и лимузин резко сорвался с места.

Очень скоро пассажиры поняли, что едут за город.

Машина кружила по горной дороге, поднимаясь все выше и выше.

Слева отливало персидской бирюзой море в белом кружевном обрамлении приборя, впереди в голубой дымке таяли поросшие виноградниками склоны.

Наконец машина преодолела перевал и начала спускаться с другой стороны горы. Вскоре она свернула с главной дороги на узкую подъездную, проехала еще пару километров и остановилась перед железными воротами.

Камера на воротах повернулась, ворота открылись.

Машина бесшумно прокатилась по белому гравию дорожки, между кустами кремовых роз, и остановилась перед крыльцом белого одноэтажного здания.

На крыльце стояла худая подтянутая женщина средних лет в традиционной униформе горничной – строгое темно-синее платье, белый передник, белая кружевная накладка. Бледно-голубые глаза смотрели на гостей строго и подозрительно.

Водитель заглушил мотор, открыл дверцы машины.

Смуглый мужчина и его спутница поднялись на крыльцо.

Горничная протянула серебряный поднос, и гости беспрекословно сложили на него оружие – небольшой черный пистолет, два складных ножа.

Горничная повернулась и, ничего не говоря, вошла в дом.

Гости последовали за ней.

Однако в доме они не задержались: пройдя через прохладный холл, выложенный черно-белой плиткой, горничная вышла через другие двери на солнечную террасу, с которой широкие мраморные ступени спускались в тенистый сад. В глубине этого сада виднелся затейливый павильон, что-то вроде таинственного каменного грота, внутри которого стояла резная деревянная скамья. Рядом с гротом цвел большой розовый куст и журчал искусно спрятанный среди зелени родник.

– Ожидайте! – проговорила горничная и удалилась.

Смуглый мужчина и его спутница опустились на скамью и приготовились к долгому ожиданию.

Тишина сада нарушалась только журчанием родника. Потом где-то совсем рядом запел дрозд.

Смуглый мужчина тяжело вздохнул.

И в то же мгновение у него за спиной раздался странный голос – голос, лишенный выражения, лишенный живых человеческих оттенков. Голос, лишенный возраста и даже пола, – невозможно было определить, принадлежит он мужчине или женщине.

– Вы провалили дело, – проговорил этот неживой голос.

Смуглый мужчина вздрогнул, попытался было оглянуться, но вовремя удержался.

– Не оборачивайтесь, – проговорил неживой голос без всякого выражения, – вы знаете, что это запрещено под страхом смерти.

– Знаю... – отозвался смуглый мужчина.

– Итак, вы провалили дело, – повторил равнодушный голос у него за спиной.

Это не было обвинение – это была констатация факта.

– Здесь нет нашей вины, господин Председатель! – возразил смуглый мужчина. – Курьер передал посылку другому человеку... другой женщине. Это его ошибка, не моя...

– Не нужно оправдываться, – перебил его неживой голос, – в этом нет никакого смысла. Вам было поручено получить посылку. Вы ее не получили. Значит, вы провалили дело.

Мужчина молчал – он понимал, что его слова не имеют смысла и могут только усугубить ситуацию.

– Вы знаете, насколько эта посылка важна для нашей организации?

– Знаю...

– Вы знаете, что очень скоро должно произойти чрезвычайно важное событие?

– Да.

– Я знаю, что курьера вы уже наказали за его ошибку. Почему вы считаете, что вас наказание не коснется?

– Я... я не считаю, господин Председатель, но я надеюсь, что еще могу исправить свой промах.

– Возможно. В принципе вас следовало наказать и поручить кому-нибудь другому исправить допущенную вами ошибку, но у нас слишком мало времени, чтобы вводить нового человека в курс дела. Поэтому, возможно, я разрешу вам довести дело до конца.

– Спасибо, господин Председатель! – Смуглый мужчина вытер лоб платком. – Я сделаю все, что в моих силах...

– Вы рано расслабились. Ошибка допущена, и кто-то должен быть наказан. У вас есть какая-то кандидатура?

– Кандидатура? – Смуглый мужчина зябко поежился, затем покосился на свою спутницу, которая все это время испуганно молчала.

– Что ж, ваше предложение меня устраивает, – проговорил неживой голос.

В то же мгновение раздался негромкий хлопок, и брюнетка в кожаной куртке, не издав ни звука, свалилась со скамьи.

Она лежала на боку, глаза ее были широко открыты, но ничего не выражали. В затылке у нее чернело маленькое отверстие – входное отверстие пули. Выходного отверстия не было – пуля небольшого калибра осталась в голове.

Смуглый мужчина поежился. Ему стало холодно, очень холодно среди этого благоухающего сада.

Неживой голос снова заговорил, как будто ничего не случилось:

– Мне не нужно, чтобы вы делали то, что в ваших силах. Мне нужно, чтобы вы исправили ошибку и вернули посылку. Причем сделать это надо очень быстро.

– Я сделаю, господин Председатель...

– Я знаю, что курьер показал вам женщину, которой он отдал посылку. Вы предприняли какие-то шаги?

– Да, конечно, господин Председатель. Но пока... пока мне не удалось вернуть посылку. Обстоятельства складывались неудачно.

– Где она сейчас?

– Улетела в Россию.

– Почему же вы все еще здесь?

– Я... только потому, что хотел доложить вам.

– Вы доложили.

Неживой голос замолчал.

Смуглый мужчина еще несколько минут сидел неподвижно, затем медленно, осторожно повернулся.

Позади него никого не было.

Самолет мягко коснулся колесами земли и покатил по бетонной полосе. Пассажиры по странной традиции зааплодировали, затем начали готовиться к выходу. Хлопали крышки багажных секций, пищали включаемые телефоны.

Вера достала свою сумку, надела куртку, простилась с профессором и двинулась к выходу из самолета.

– Звоните, если захотите узнать что-нибудь про античное искусство, – с улыбкой сказал он.

– Всенепременно, – вытащила Вера из памяти неупотребляемое слово. И улыбнулась тоже, перехватив злобный взгляд Арсения.

Увидев, что физиономия у него распухла, и ссадина под пластырем воспалилась, Вера ощутила небывалое удовлетворение. Захотелось скорчить ему зверскую рожу, так что пришлось взять себя в руки и вспомнить о любви к ближнему. Вера не то чтобы устыдилась, но больно жалкий был у Арсения вид, так что она пожелала ему на прощание здоровья и всяческих успехов.

Паспортный контроль прошли быстро, но у ленты багажного транспортера пришлось простоять больше получаса. Катя за собой чемодан, Вера вышла в шумный зал аэропорта. Она протискивалась сквозь плотную толпу встречающих, когда на нее налетела какая-то заполошная тетка, допытываясь, прибыл ли рейс из Дюссельдорфа.

– Не знаю, – честно ответила Вера, – я прилетела из Неаполя...

– А Дюссельдорф когда? – не отставала тетка, вцепившись в Верин рукав. – Сейчас должны идти пассажиры из Дюссельдорфа! Он уже сорок минут, как сел! Почему они так долго не выходят?

– Да я-то при чем... – Вера попыталась вырваться, но тетка вцепилась в ее рукав мертвой хваткой.

Краем глаза Вера заметила какого-то шустрого мужичка в надвинутой на глаза кепке, который крутился возле нее и явно приглядывался к ее чемодану. Она хмуро взглянула на этого мужичка, подтянула чемодан поближе.

Еле отвяжавшись от настырной тетки, Вера пробилась к выходу из терминала. На краю тротуара пассажиры ждали такси. Вера застегнула куртку – после Италии ей было прохладно, остановилась возле перехода, и рядом с ней тут же затормозила светло-серая машина.

– Такси нужно? – осведомился, выскочив на тротуар, горбоносый парень с выбритой наголо головой и, не дожидаясь ответа, схватил ее чемодан, забросил в багажник.

– Пусть будет такси, – согласилась Вера, внезапно ощутив, как устала она от перелета, от всех предшествующих событий, от того, что все время была на людях. Нет сил тащиться на перекладных, волоча за собой тяжелый чемодан.

Тут рядом с машиной возникла женщина лет сорока, в куртке немыслимо яркой расцветки, покрытая свежим загаром.

– Я раньше ее ждала! – заверещала она, пытаясь оттереть Веру от такси. – Это моя машина!

– Женщина, уймись! – холодно проговорил водитель. – Я уже принял заказ, и вещи в багажник положил. Подождите следующую машину!

При этом он так взглянул на загорелую тетку, что та отскочила от машины как ошпаренная.

Вера вздохнула с облегчением. Ей не терпелось добраться до дома, принять душ, отдохнуть после дороги. Тут она спохватилась, что российских денег у нее немного, и спросила водителя:

– А сколько это будет стоить?

Парень назвал неожиданно низкую цену. Вера обрадовалась, но все же решила проверить, хватит ли у нее денег.

Она открыла сумку, которая висела у нее на локте...

И настроение у нее резко испортилось.

Сумка была разрезана, и кошелек из нее пропал.

– Вот черт! – проговорила Вера, вспомнив ошивавшегося возле нее подозрительного мужичка. – Вот черт!

Денег в кошельке было немного, но жалко было новую сумку. Купила ее в Неаполе, хорошая, кожаная... А старую выбросила, перехватив пренебрежительные взгляды туристок в автобусе. Вот теперь и сумки нету... Кроме того, как теперь добраться до дома?

И тут она вспомнила, что в кошельке, кроме денег, был тот странный амулет из Помпеи. При этой мысли Вера неожиданно почувствовала настоящую физическую боль, как будто лишилась чего-то очень важного и дорогого.

Она повернулась к водителю и мрачно проговорила:

– Такси отменяется!

– Что значит – отменяется? – недовольно пробасил водитель. – Так дела не делаются!

Договорились ехать – значит, едем!

– Но у меня деньги украли!

– Вера, у вас что-то случилось? – раздался вдруг за спиной у Веры знакомый голос.

Она обернулась и увидела профессора Козодоева.

Профессор стоял возле солидной черной машины, молодой человек в черном, под цвет машины пальто укладывал в багажник его вещи.

– У вас что-то случилось? – повторил профессор. – На вас буквально лица нет!

– Представляете, пока шла через зал прилета, разрезали сумку и украли кошелек! – пожаловалась Вера, показав безнадежно погубленную сумку.

– Возьмите деньги на такси! – проговорил профессор и сунул в руку Веры купюру. – Этого должно хватить! Я подвез бы вас на своей машине, но нам не по пути, мы едем не в Петербург, а в Пушкин.

– Я не могу взять у вас деньги! Это неудобно! Мы с вами почти незнакомы! – Вера попыталась отдать купюру профессору, но тот уже сел в машину и махал ей рукой:

– Не говорите глупостей! Если захотите вернуть – у вас есть моя визитка, а я буду только рад поводу еще раз встретиться с вами!

Вера хотела еще что-то сказать, но машина профессора уже сорвалась с места.

– Едем! – напомнил о себе водитель такси. – Здесь нельзя долго стоять!

– Едем... – протянула Вера и опустилась на пассажирское сиденье.

Только через несколько минут она спохватилась, что водитель даже не спросил ее, куда ехать.

– А сперва все в одну сторону едут, – проговорил тот, словно прочитал ее мысли, – ну, почти все. Так куда едем?

Вера назвала адрес. Водитель равнодушно кивнул.

Вера прикрыла глаза, вспоминая свои итальянские приключения.

Надо же, сколько всего произошло из-за этого амулета – и как глупо, как бессмысленно все закончилось! Его украл какой-то случайный мелкий воришка... Ну, значит так тому и быть. Нужно выбросить из головы все случившееся и сосредоточиться на сегодняшнем дне. Точнее, сегодня она отдохнет, а завтра надо включаться в работу. Позвонить ученикам, сказать, что вернулась, заново составить расписание. Кроме нее этого никто не сделает, сама на себя работает, никто не содержит.

Она открыла глаза и с удивлением увидела мрачный ельник по сторонам шоссе.

– Куда мы едем? – спросила она водителя.

– Это объезд, – ответил тот, не поворачивая головы, – на Кольцевой авария, я ее объеду. Не волнуйтесь, доберемся быстро!

Вера ничего не ответила.

За окном машины темнело, и настроение, и так испорченное кражей, стало еще хуже.

«Ну, ладно, скоро я буду дома, – пыталась она успокоить себя, – дом, милый дом! Дома и стены помогают!»

Расхожие банальности ничуть ее не утешали.

Вера представила себе бесконечную череду ожидающих ее одиноких будней, ленивых и тупых учеников, денежные проблемы, слякоть и холод поздней осени...

За окном становилось все темнее и темнее. Машин на дороге совсем не стало.

Вдруг такси затормозило, съехало на обочину и остановилось. Наступила гулкая, гнетущая тишина.

– Что случилось? – удивленно спросила Вера.

– Мотор заглох, – ответил водитель и открыл бардачок, – сейчас я все исправлю...

– Мотор заглох? – переспросила Вера. – Странно...

Она хотела сказать, что водитель сам его заглушил, но не решилась произнести это вслух. Ей казалось, что пока она не озвучит свой страх – все еще может как-то разрешиться, найти какое-то обычное, безопасное объяснение.

– Давай сумку! – проговорил водитель, и в руке его оказался нож с выдвигным лезвием. – Давай сумку, или я тебе морду изуродую!

Обыденных, безопасных объяснений не осталось. Все было ужасно, безвыходно, достаточно было увидеть безжалостный блеск в темных глазах водителя. Сумерки, пустынная дорога, и сумасшедший с ножом в руках... помощи ждать не приходится.

Вера попыталась незаметно открыть дверцу машины, но ничего не вышло – замок был заблокирован.

– На, – неожиданно спокойно проговорила Вера и бросила водителю свою сумку, – только там ничего нет, до тебя уже постарались!

Водитель, или точнее грабитель, схватил сумку, запустил в нее руку. Потом вытряхнул содержимое сумки между собой и Верой. Вера вжалась в дверцу машины и смотрела, как чужие грубые руки роются в ее вещах.

– Где он? – проговорил наконец грабитель, подняв на Веру мрачный взгляд. – Где он, я тебя спрашиваю?

– Я же тебе сказала – кошелек у меня украли в аэропорту!

– Я не про кошелек спрашиваю! – рявкнул грабитель и снова повторил: – Где он?!

– О чем ты говоришь?

– Ты отлично знаешь, о чем!

Вера замолчала, изумленно глядя на мужчину.

Она была уверена, что ее итальянские неприятности закончились, как только она села в самолет. Но это оказалось не так. Наверняка этот грабитель ищет помпейский амулет. Поэтому он сразу подошел к ней, поэтому запросил так мало денег...

И Вера не придумала ничего лучше, чем сесть в первую же попавшуюся машину. Да он и не таксист вовсе, то-то тетка в яркой куртке отскочила от него как ошпаренная. Что он ей сказал?

Вера не сводила глаз с блестящего лезвия.

– Где он? – повторил грабитель и поднес нож к самому ее лицу.

– Говорю же – он был в кошельке, а кошелек у меня украли!

– Врешь! – Он еще раз перерыл содержимое сумки, ничего не нашел. При этом Верин мобильный телефон соскользнул на пол, и грабитель сладострастно наступил на него ногой. Раздавленный телефон захрустел, а грабитель придвинулся к Вере и принялся обшаривать ее одежду. Девушку буквально трясло от прикосновений наглых, назойливых рук. Ей стало тяжело дышать, сердце билось часто и неровно.

Ничего не найдя, грабитель снова замахал ножом:

– Где он? Говори, иначе я...

Он не закончил свою фразу, но все и так было понятно по его злобно горящим глазам.

– Да как тебе втолковать, что я говорю правду! – Вера тяжело, хрипло дышала, голос ее от этого то и дело срывался. – Если ты меня убьешь – это тебе ничем не поможет! У меня нет того, что тебе нужно! Нет! Понимаешь такое слово? Нет!!!

Водитель смотрел на нее зверем. Вдруг он потянулся к панели управления, разблокировал замок и выскочил из машины. Вера с надеждой взглянула на замок зажигания, но бандит вытащил ключи.

Она повернулась, чтобы понять, что он делает.

Вытащив из багажника Верин чемодан, он вытряхнул его содержимое на дорогу и теперь перерывал его, тяжело дыша и матерясь.

Вера сгребла вещи в свою сумку, подняла с пола раздавленный телефон, открыла дверцу со своей стороны, выбралась из машины, огляделась.

Грабитель не смотрел на нее, он яростно расшвыривал ее одежду, ощупывая ее в поисках амулета.

Дорога была по-прежнему пустынна, лес по сторонам ее стал совсем темным. Бежать? Но блуждать по ночному осеннему лесу – занятие не для слабонервных...

Вера стояла возле машины, не зная, на что решиться.

Ее охватило странное безразличие.

Будь что будет... сил на сопротивление у нее просто не осталось. Черт с ними со всеми, провались ее никчемная пустая жизнь, пускай он убьет ее сейчас, и не нужно будет барахтаться, как та лягушка в сметане, чтобы выплыть наверх, выжить, заработать на еду и одежду. Кому все это нужно? Зачем? Для чего? Пускай уж скорей наступит конец...

Грабитель тем временем выдохся, или ему просто надоело впустую рыться в Вериних вещах. Он снова обошел машину, сел за руль, захлопнул дверцы и уехал.

Вера еще несколько минут смотрела вслед его машине, не веря, что все кончилось и она осталась жива.

Впрочем, то, что она жива, – пожалуй, единственный плюс в ее положении. Все остальное ужасно.

Она стоит посреди какой-то пустынной дороги, не зная даже примерно, где находится. Вокруг нее – мрачный лес, на глазах темнеет, и у нее нет ни телефона, ни денег.

Просто чтобы чем-то себя занять, она собрала разбросанные по дороге вещи, кое-как покидала их в чемодан, закрыла его. Ей было противно оттого, что все это только что перетрогали чужие наглые руки, но сейчас нужно было думать не об этом. Сейчас нужно было идти, хоть куда-то идти.

Вера пошла вперед, катя за собой чемодан на колесиках. Сумка болталась у нее на локте. Она представила, как глупо, должно быть, выглядит со стороны, но теперь это ее не волновало.

Она медленно брела вперед, даже приблизительно не представляя, куда ведет эта дорога. Единственное, что Вера знала, что идет в ту же сторону, куда уехал фальшивый таксист, а он, наверное, уехал в сторону города.

Стало совсем темно.

Вера шла все медленнее, боясь в темноте свалиться в канаву. Вдруг дорогу осветил голубоватый ксеноновый свет.

Вера обернулась и увидела фары приближающейся сзади машины. Она остановилась, отошла к обочине и подняла руку.

Машина подъехала так близко, что Вера смогла ее разглядеть: это был большой черный внедорожник. Вера опустила руку и закусила губу от испуга: все знают, что в такие машины ни в коем случае нельзя садиться, особенно ночью и на безлюдной дороге, поскольку в них

обычно ездят бандиты и другие криминальные личности. Ага, не ей бы рассуждать, раньше надо было думать, когда к тому «таксисту» села. Хотя... если они охотятся за амулетом, то все равно нашли бы, как ее зацепить. Ладно, теперь они от нее отстанут, раз амулета больше нет.

Внедорожник проехал мимо, но тут же сбавил скорость и сдал задом. Поравнявшись с Верой, джип остановился, правая дверца открылась, оттуда выглянул бородатый парень лет тридцати.

– Девушка, садитесь! – проговорил он добродушно.

Вера ничего не ответила, только покачала головой.

– Да почему? – искренне удивился парень. – Темно же, до жилья далеко... садитесь, мы вас подвезем!

– Не хочу, – ответила Вера, обретая дар речи, – я гуляю!

– Гуляете? – Парень пожал плечами. – В такое время?

– Павлик, поехали! – раздался из машины женский голос. – Тебе что – больше всех надо? Видишь же, что она не хочет!

– Ну, как знаете! – Дверца захлопнулась, машина умчалась вперед, и Вера снова осталась в темноте и тишине.

Теперь она пожалела, что не села в этот внедорожник, но изменить ничего уже было нельзя. Надо же, проявила осторожность, а оказалось, что зря. Как та пуганая ворона, которая каждого куста боится.

Она снова побрела вперед, волоча за собой чемодан.

Вера еле плелась, спотыкаясь на каждом шагу и недобрым словом поминая итальянскую поездку, которая так ужасно закончилась.

Вдруг дорогу снова осветил свет автомобильных фар.

Вера остановилась в свете фар, подняла руку и призывно замахала.

Теперь она была готова сесть в любую машину, к самым отмороженным бандитам, лишь бы выбраться из этого ночного осеннего леса, лишь бы оказаться среди людей.

Свет фар становился все ярче. Наконец машина подкатила, объехала Веру и остановилась. Из нее выскочил мужчина лет сорока, с коротким ежиком светлых волос.

– Тебе что, жить надоело?! – заорал он, подскакывая к Вере. – Торчишь ночью посреди дороги... я сперва подумал, что у меня глюк!

– Подвезите меня! – взмолилась Вера. – Не могу больше идти! Ноги уже не идут!

Мужчина смерил Веру с ног до головы оценивающим взглядом и хмыкнул. Не понравилась, значит. Ну что ж, Вера сейчас сама себе не очень нравилась, точнее, очень не нравилась, так что в этом вопросе они были солидарны.

– Ты как здесь оказалась? – спросил он спокойно. – Каким ветром тебя сюда занесло?

– Меня таксист ограбил, – честно ответила Вера, подбираясь к машине, – высадил здесь и уехал.

– Таксист? – протянул мужчина. – Из аэропорта, значит, ехала.

– Ну да, из Италии прилетела...

– О как! Из Италии, – он снова хмыкнул.

Вера тихонько взялась за ручку дверцы и потянула ее на себя, решив, что если удастся ей сесть в машину, ни за что она оттуда не выйдет, пускай хоть силой вытаскивает. А чемодан можно бросить, лишь бы домой добраться.

– Садись уж! – Мужчина открыл перед ней дверцу и забросил чемодан в багажник.

– Мне только до метро, – пискнула Вера, – до любой станции.

Заднее сиденье у него было занято какими-то пакетами, свертками и тюками, поэтому Вера села впереди. Она предпочла бы ехать молча, но водитель стал задавать вопросы. Первый был традиционный – как ее угораздило?

Вера не ответила, только вздохнула. Помолчали, потом она осторожно посмотрела на водителя. Ничего особенного – худое лицо, жесткий ежик волос, вдоль носа пролегли глубокие морщины, но, возможно, так кажется при плохом освещении.

Машина вывернула на шоссе, стало светлее, и вскоре Вера увидела множество огней – стало быть, город близко.

– Вот учат вас, учат, – заговорил водитель наставительно, – предупреждают, чтобы не садились в машину к незнакомым, такси нужно вызывать в аэропорту от стойки или по телефону, тогда никто и не ограбит... Так нет, все без толку, все как об стенку горох. Вот зачем ты села, да еще одна?

Вера внезапно разозлилась. Что им всем от нее надо? Чего они к ней привязались?

– Сама знаю, что дура полная! – рявкнула она. – Незачем лишний раз напоминать! А если уж совсем не вмоготу с идиоткой ехать, то высадите меня вон у заправки! Или прямо здесь, до города дойду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.